

Вадим ВОЛОБУЕВ

ВСЯЧЕСКАЯ СУЕТА

П о в е с т ь

От автора

Повесть представляет собой версию евангельских событий с точки зрения современников: философа Сенеки, властителя Галилеи Ирода Антипы, фарисейского мудреца Гамалиила, наместника Иудеи Понтия Пилата, неформального правителя Иерусалима Анны бен Сефа, основателя гностицизма Симона Волхва, а также ученика иерусалимской школы Саула (позднее известного как апостол Павел). Все они погружены в поток насущных забот, и, хотя некоторые стремятся вырваться из рутины, никто в итоге не замечает духовного подвига, совершаемого у них на глазах. Герои ссорятся и мирятся, гонятся за выгодой и рассуждают о вечном, развлекаются и трудятся, не подозревая, что стали свидетелями величайшей мистерии в истории человечества.

В Кесарии Палестинской

В лето от основания Города семьсот восемьдесят третье, на второй год двести второй олимпиады, в консульство Марка Виниция и Луция Кассия Лонгина, ранней весной, едва утихли зимние бури, в Кесарию Палестинскую прибыл из Александрии племянник египетского префекта¹ Луций Анней Сенека.

— Вот это новости! — вырвалось у иудейского наместника Понтия Пилата, который отнюдь не обрадовался такому визиту. — Ганнибал у ворот!

Известие о неожиданном госте застало Пилата в бассейне. Несколько мгновений он хмуро соображал, достоин ли вновь прибывший того, чтобы прерывать удовольствие, потом все же решил, что с египетским префектом ссориться негоже, вылез из воды, дал рабу обтереть себя ворсистым полотенцем, надел пурпурную тунику, перетянув ее кожаным поясом с золотой пряжкой, и застегнул на плече короткий белый плащ. Невольник перевязал щиколотки наместника ремешками сандалий, и тот

¹ Префект — здесь: сановник, управляющий округом (префектурой).

неторопливо зашаркал в зал приемов, размышляя по пути, не сменить ли плащ на тогу. Облачаться в официальное ужасно не хотелось — за четыре года, что Пилат провел в этой убогой стране, он не только ни разу не надел тогу, но даже не вспоминал о ней: тяжелая и неудобная, она выглядела внушительно на статуях, а носить ее было сущим наказанием. Местным был безразличен его вид, а вот римский всадник² мог и донести куда следует, если бы увидел императорского чиновника в тунике и плаще. Поколебавшись, Пилат решил все же тогу не трогать. Лучше уж вообще без нее, чем в пожелтевшей и несвежей. А то, чего доброго, обвинят в оскорблении величия — он ведь представляет особу правителя.

Племянник египетского префекта оказался невысоким и поджарым молодым человеком с острым носом и наметившейся лысиной. Пилату он напомнил жреца Кибелы — из тех, что время от времени заглядывали в Кесарию, дудя в берекинтские флейты. Наместник ожидал увидеть юного щеголя, лишь начинающего свою карьеру, а узрел приживала-бездельника под боком у богатого родственника. Не будь прибывший бездельником, давно бы уже служил в Риме трибуном или квестором либо управлял именем, а не сидел в провинции, кормясь дядиной славой.

Как полагается, гость с поклоном поприветствовал наместника пожеланиями здоровья и благополучия. Пилат кивнул, раздумывая, не занять ли ему курульное кресло³, стоявшее на трибунале⁴, где когда-то находился трон Ирода. Потом вспомнил, что он без тоги, и решил не садиться.

— Сенека? — повторил наместник, когда гость представился. — Выходит, ты не родственник префекту Галерию?

— Он женат на старшей сестре моей матери, господин.

— Надеюсь, у него тоже все благополучно, — сказал наместник, неспешно приближаясь к собеседнику. — Что привело тебя в Иудею?

— Дядя отправил меня взыскать долг с Ирода Агриппы, который, как он слышал, пребывает при дворе тетрарха⁵ Антипы.

— Так этот лоботряс и твоему дяде задолжал! — вырвалось у наместника. — Наслышан о его разгульной жизни в Риме. Едва ли ты сможешь выбить с него деньги. Здесь он тоже успел нахватать долгов. Разве что Антипа согласится заплатить за него. Но я буду очень удивлен, если это случится.

— Возможно, он будет сговорчивее, когда узнает, что префект претория⁶ тоже не прочь получить назад свои деньги.

— Сеян? — ахнул наместник, невольно бросив взгляд на статую всеильного вельможи у правой стены.

² *Всадники* — второе по привилегированности сословие в Древнем Риме после сенаторов.

³ *Курульное кресло* — складное кресло без спинки, с X-образными ножками, в Древнем Риме — символ государственной власти.

⁴ *Трибунал* — возвышенное место, откуда сидящий на курульном кресле римский судья разбирал дела и произносил свои решения.

⁵ *Тетрарх* — правитель четвертой части Иудеи. Иудея была разделена между тремя сыновьями Ирода Великого. Половина досталась Архелаю (он получил титул этнарха), по четверти — Филиппу и Антипе. Ирод Антипа был тетрархом Галилеи и Перееи.

⁶ *Префект претория* — командир преторианской гвардии, охранявшей императора. Одно из высших должностных лиц Римской империи.

Ничего себе! Неужели этот невзрачный малый выступает от имени самого Сеяна? Получается, не такой уж он и бездельник. Интересно, с чего вдруг второму человеку в государстве срочно понадобились деньги? К его услугам все сокровищницы в державе. А может, этот Сенека врет? Может, хочет стясти с глупого еврея серебро, прикрываясь именем Сеяна? Если так, можно было бы войти с ним в долю.

— Галерий передал мне какое-нибудь послание? — спросил наместник.

— Нет, господин. Но он передал тебе подарки. Позволишь внести их?

— «Сам я даю и беру эту вольность охотно»⁷, — процитировал наместник, усмехнувшись. — Вноси.

Гость несколько раз хлопнул в ладоши, и в зал вошли трое невольников с бронзовыми блюдами. На одном лежала груда разноцветных египетских амулетов в виде жуков и птиц, на другом — три золотых ожерелья, украшенных самоцветами, на третьем стояла алебастровая статуэтка Сераписа с гравировкой поперек спины: «Понтию Пилату от Гая Галерия. Будь здоров и счастлив».

Пилат оглядел подарки, переходя от одного раба к другому, повертел в руках фигурку бога, прочел надпись и тонко улыбнулся.

— Надеюсь, египетская магия защитит меня от халдейского волшебства, — сказал он, ставя Сераписа обратно. — Когда ты хочешь отправиться к Антипе?

— Завтра, господин.

— Переночуешь во дворце. Сколько с тобой народу? Раб проводит тебя в баню. Брадобрей нужен? В восьмом часу приходи на ужин. Расскажу тебе, как обращаться с местными.

С Антипой у наместника отношения не складывались. Тетрарх неустанно ходатайствовал в Риме, чтобы ему вернули все владения отца, царя Ирода, обещая увеличить ежегодные выплаты, а еще обвинял Пилата в вымогательствах и пророчил восстание евреев, раздраженных поведением наместника. Пилат, в свою очередь, выражал сомнения в том, что Иудее вообще нужны какие-то тетрархи — куда полезнее было бы объединить все осколки государства Ирода в одну провинцию и стричь ее, как овцу. Заодно это позволило бы создать сплошную линию обороны против парфян⁸ и набатеев⁹. Но его доносы на Антипу пока оставались без внимания, как и доносы Антипы на него. Поэтому наместник обрадовался, узнав, что гость прибыл взыскать долги с незадачливого племянника тетрарха — наверняка тот не сможет расплатиться, а значит, появится лишний повод пустить обоих евреев по миру.

По странной причуде покойного Ирода трапезная во дворце располагалась рядом с бассейном — очевидно, царю доставляло удовольствие

⁷ Цитата из «Науки поэзии» Горация. Перевод М. Л. Гаспарова.

⁸ *Парфяне* — население Парфянского царства.

⁹ *Набатеи* — группа арабских племен.

расслабляться в теплой воде после принятия пищи. Иудеи вообще испытывали необъяснимое пристрастие к погружению в воду — хлебом не корми, дай только бултыхнуться куда-нибудь. Сам Пилат, как добрый римлянин, предпочитал бани, благо они находились возле дворца. И хоть трапезная была отделана с большим изяществом, наместнику куда милее мозаики на ее полу были оттиски печатей Десятого легиона в виде Нептуна и быка, красовавшиеся на стенах терм. Поначалу Пилат думал приспособить под триклиний¹⁰ одну из комнат возле приемного зала, даже велел расписать ее стены картинами пиршеств, а над входом изобразить лики Цезаря Августа и Тиберия, но из-за влажности краска потекла, и наместник смирился.

Пилат вышел к ужину, обряженный на греческий манер, но с парфянской роскошью: в белой шелковой хламиде с багровой каймой и в зеленом гиматии¹¹. К столу вывел жену и сына. Мальчишка, согласно обычаю, расположился на полу чуть в стороне от отца, так что супруга Пилата, возлегшая от мужа справа, могла ерошить отпрыску волосы и кормить с руки.

— Вглядись внимательно в его лицо, — сказал Пилат гостю. — Знаешь, чьи это черты? Арминия¹², будь он неладен. Перед тобой Тумелик, его единственный наследник. Отец больше не будет пить нам кровь, а сын теперь вырастет верным гражданином Рима.

Сенека изумленно уставился на мальчишку. Тому было лет пятнадцать, лоб усеивали угри, карие глаза и загорелое лицо делали его похожим на египтянина.

— Я слышал, что бесподобный Германик¹³ взял в плен семью Арминия, — произнес он. — Но мне и в голову не приходило, что его сын здесь. Вот так встреча! Ты усыновил его?

— Пока нет, — ухмыльнулся Пилат. — Посмотрим, как себя покажет. Если оправдает мое доверие, упомяну его в завещании.

— А его мать тоже тут?

— Нет. Германик отдал ее в услужение Кассию Херее. Думаю, она до сих пор живет в его доме. А может, померла.

Завязался разговор о походах Германика. Пилат с удовольствием рассказал о своих подвигах в битве при Идиставизо, после которой его произвели в трибуны¹⁴, а Германику даровали проконсульский империй¹⁵.

— Но своим успехом мы были обязаны мудрости Тиберия, конечно, — поспешно добавил он.

В ожидании главного блюда они жевали улиток, финики и шампиньоны, запивая вином с водой и медом.

¹⁰ *Триклиний* — помещение для пиршеств с тремя ложами.

¹¹ *Гиматий* — верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани.

¹² *Арминий* — вождь древнегерманского племени херусков.

¹³ *Германик Юлий Цезарь Клавдиан* — сын Нерона Друза, брата императора Тиберия Клавдия. Усыновлен Тиберием. Скончался в 19 году.

¹⁴ *Трибун* — офицерское звание в древнеримской армии, помощник легата (командующего легионом).

¹⁵ *Проконсульский империй* — высшая власть в одной или нескольких провинциях римского государства.

— Правда ли, что в Египте есть поющие статуи? — спросила супруга Пилата, маленькая, стройная женщина в шафранной stole¹⁶, с крашеными голубым волосами, взбитыми в высокую прическу из переплетенных локонов. Она была значительно младше мужа и, конечно, не являлась матерью его единственной дочери, которую наместник, как слышал Сенека, отдал в весталки. — Я так много слышала о них.

— Это так, уважаемая Прокула, — ответил Сенека. — Статуи Мемнона в стовратных Фивах на рассвете издают стонущие звуки. Простаки считают, будто таким образом они приветствуют свою мать. Я-то думаю, что их заставляет петь ветер, поднимающийся утром. Впрочем, выглядит впечатляюще. Лебединая песнь египетского величия, как сказал бы Цицерон.

— Я слышала, египтяне — великие целители, — продолжала жена наместника.

— Они — великие суеверы. Ни одно их снадобье не действует без заклинания. Им невдомек, что все болезни, даже душевные, происходят от неправильной циркуляции соков в теле.

— Но египтяне — лучшие знатоки заклинаний. Разве нет? Говорят, их магия всемогуща.

— Я как раз собираюсь преподнести Агриппе трактат по египетской магии, чтобы не очень горевал, расставаясь с деньгами, — ухмыльнулся Сенека. — Я написал его сам. Он более полон, чем сочинение Петосири-са и Нехепсона¹⁷.

— Ты привез для Агриппы трактат по египетской магии, Луций? — расширила глаза Прокула. — Как интересно! А можно его переписать?

— Ты же знаешь, что Луций у нас всего на день, — произнес Пилат. — Ни один писец не успеет переписать целый свиток за такое время. А этот трактат, подозреваю, немалого объема.

— Мы можем поручить это сделать десяти писцам! — воскликнула Прокула.

Пилат лишь отмахнулся.

Внесли главные блюда — свиное вымя со спаржей и гороховую похлебку с колбасой и ветчиной.

— По рецепту Апиция¹⁸, — похвасталась Прокула. — Мы очень это любим.

Сенека воспользовался поводом, чтобы рассказать историю о том, как Апиций выложил пять тысяч сестерциев за краснобородку, которую выставил на продажу Тиберий, получивший ее в подарок. И как только рыба оказалась в его руках, Апиций снова преподнес ее принцепсу.

— Щедрость — лучшее качество римлянина, — прокомментировал Пилат.

¹⁶ *Stola* — верхняя одежда древнеримских матрон (замужних женщин из высших слоев общества): длинная туника, надеваемая поверх исподней туники.

¹⁷ *Петосирус и Нехепсон* — астрологи Древнего Египта, вероятно, вымышленные.

¹⁸ *Апиций* — древнеримский чревоугодник, чье имя стало нарицательным.

— Говорят, он покончил с собой после того, как у него осталось десять миллионов сестерциев, — продолжал Сенека. — Считал, что на эти деньги не сможет вести прежнюю жизнь. Настоящий сибарит!¹⁹ Кстати, вы знаете, почему сибаритов отнюдь не восхищало презрение лакедемонцев²⁰ к смерти? Потому что они предпочли бы умереть, чем вести такую жизнь, — захохотал он.

Прокула засмеялась, а Пилат пробурчал:

— Будь у меня десять миллионов сестерциев...

— Тогда что? — спросила Прокула.

— Земля и Солнце! Тогда бы мы не сидели в этой забытой богами дыре, где не заработаешь ни славы, ни величия.

— Не всякий доберется до Коринфа, — насмешливо заметила супруга наместника и обратила взгляд на Сенеку. — Говорят, Апиций мог по вкусу определять разновидности дроздов, а еще угадывал, самка это или самец. Я слышала, он откармливал свиней сушеными фигами и поил их медовым вином, чтобы получить самое нежное мясо. И приказывал на ночь поливать латук водой, смешанной с медом и вином. Какая утонченность! Страшно хочется в Город, «к дыму родных очагов». Мы здесь совершенно оторваны от жизни.

— Я слышал, Апиций уговаривал Друза²¹ отказаться от капусты, считая ее низкой пищей, — сообщил Сенека. — Странное убеждение.

— А это правда, что вдова Друза помолвлена с Сеяном? — спросила Прокула.

— Так говорят, — осторожно ответил Сенека.

— Значит, правда, — подытожила Прокула. И добавила, повернувшись к мужу: — Я же тебе говорила, что Антипа недаром переименовал Ливиаду в Юлиаду²².

— Лучший гражданин породнится с семьей Августа. Это прекрасно! — провозгласил Пилат. — Попробуй свинину, Луций. У Антипы такого не попробуешь. Евреи не умеют есть как культурные люди.

— Да, мне известно их странное отвращение к свиному мясу, — сказал Сенека, отрезая кусок. — Недаром божественный Август говорил, что у Ирода лучше быть свиньей, чем сыном. У евреев много странных обычаев, как и у египтян, впрочем. Тем поразительнее, что Агриппа так прижился в Риме. Говорят, он даже кутил с Апицием. А еще с Публием Октавием и Номентаном. Три главных чревоугодника державы! Неудивительно, что влез в долги.

— А теперь Сеян, значит, хочет взыскать с него все с процентами, — хохотнул Пилат. — Ты ведь привез письмо от префекта?

¹⁹ *Сибарит* — житель древнегреческого города Сибариса, известного своим богатством; в переносном значении — изнеженный, избалованный человек.

²⁰ *Лакедемонцы* — спартанцы.

²¹ *Нерон Клавдий Друз*, или Друз Младший, — сын Тиберия, скончавшийся в 23 году.

²² Ирод Антипа восстановил крепость Бет-Харан и назвал ее Ливиадой в честь матери Тиберия, после смерти которой в 29 году переименовал крепость в Юлиаду — очевидно, в честь вдовы Друза Младшего, которая тогда сожительствовала с Сеяном.

Сенека не донес кусок до рта, капнув гарумом²³ на расстеленную перед ним салфетку.

— Э... письмо? Нет.

— Но ты же для Сеяна поднял свои паруса.

— У меня есть письмо от дяди Галерия.

— Можешь воспользоваться моим гонцом. Это быстрее, чем государственная почта. И безопаснее к тому же.

— Честно говоря, я хотел передать его лично.

— Ты не можешь явиться к Антипе без уведомления, — поднял бровь Пилат, удивленный непонятливостью гостя. — Его, возможно, и вовсе нет в Тибериаде. Скоро большой еврейский праздник, который вся местная знать встречает в Иерусалиме. Я, кстати, тоже должен поехать туда, чтобы следить за порядком.

Сенека озадаченно посмотрел на наместника.

— И Агриппа тоже там будет? — глупо спросил он.

— Конечно.

— Что ж, пожалуй, ты прав, префект. Я напишу его дяде. И воспользуюсь твоим гонцом.

Пилат помолчал, глядя на него. Сенека не отвел взгляда, но принял как можно более простодушный вид. «Знаю, что у тебя на уме, — думал он, с улыбкой взирая на наместника. — Хочешь прочесть письмо. Такой возможности у тебя не будет».

— А еще советую тебе не спешить и подождать ответа, — веско произнес Пилат.

Сенека коротко подумал. Кажется, наместник был прав.

— Тогда я воспользуюсь твоим гостеприимством еще на пару дней, если не возражаешь, — ответил он. — Полагаю, этого времени будет достаточно, чтобы гонец успел доскакать до Тибериады и вернуться.

— Да, вполне. Если Антипа соблаговолит ответить сразу. — Пилат посмотрел на раба, стоявшего у входа: — Ну что ж, наверное, пришло время перевести дух. Где там наши мимы?

Раб вышел, и скоро в помещение влетели, вертясь, два лохматых боконогих человека в драных шерстяных плащах, за которыми появились трое музыкантов: один колотил в бубен, другой бил в кимвалы, последней в помещение вступила женщина, дувшая в двойную тибия²⁴.

Не переставая кружиться и играть, вся труппа поклонилась зрителям, и актеры в плащах пустились в пляс. Это был кордак, непристойный танец, на который падки люди, лишенные вкуса. Сенека взирал на зрелище с каменным лицом. Он терпеть не мог театры, а уж кордак во время трапезы показался ему в высшей мере неуместным. Зато Пилат и Тумелик были в восторге, они без удержу смеялись и хлопали в ладоши. Прокула же невозмутимо жевала мясо, держа его тонкими пальцами.

²³ Гарум — популярный в Древнем Риме рыбный соус.

²⁴ Тибия — античный духовой инструмент.

Потом музыка стихла, и актеры принялись разыгрывать сценки, перемежая их короткими танцами.

— Сколько лет ты хотел бы мучиться? — спросил один другого.

— Не дольше, чем мучается рубаха, которую еврей носит в субботу.

— А почему верблюд такой мрачный?

— У евреев субботный год²⁵, оттого у них нет овощей и они вынуждены питаться верблюжьими колючками. Вот верблюд и мрачный.

— Отчего масло столь дорого?

— Из-за еврейской субботы. Все, что они зарабатывают за неделю, проедают в субботу, у них нет дров, чтобы развести огонь и приготовить пищу, вот они и разламывают кровати, а потом спят на голом полу. Чтобы смыть грязь, они натираются маслом, поэтому цены растут.

Тут уже смеялись не только Пилат с Тумеликом, но и Прокула с Сенекой. В конце опять был танец, теперь уже с участием сына Арминия.

— Покажи гостю, что ты не зря обучался сальтации²⁶, — велел ему Пилат.

На этот раз исполнили сикиннис — пляску пьянчуг. Сенека содрогался, наблюдая, как сын римского всадника, пусть и варвар по рождению, под ритмичный стук бубна и завывания тибии изображает сатира. Пилат же был в восторге.

— Антипу изобрази! — взревел он.

Тумелик сделал глупое лицо, присел, разведя колени, поднял ладони и начал двигать руками и ногами, качая головой, как кукла. Даже Прокула прыснула, увидев такое.

— Каков, а? — похвастался Пилат перед Сенекой. — В Риме всех за пояс заткнет.

Наконец музыка смолкла, и один из актеров, тяжело дыша, сказал:

— Мы счастливы, что развлекли вас. Будем надеяться, что нам не придется довольствоваться харувом²⁷. — Он обвел всех хитрым взглядом и закончил: — Как вынуждены к тому евреи.

Пилат чуть не скатился с ложа от хохота.

— Будучи другом, я друга в другом распознаю²⁸, — невпопад процитировал он кого-то. — Заплати им вдвое, — велел он рабу, стоявшему у стены.

Мимы удалились, и Пилат произнес, поднимаясь:

— Ну что же, пойду принесу жертву ларам²⁹. Оставайтесь здесь, а я скоро вернусь. Тумелик, за мной.

Они ушли, а рабы вынесли десерт: устрицы, медовые пироги, яйца, оливки и вино.

²⁵ *Субботный год* («год отпущения») — седьмой год сельскохозяйственного цикла в еврейской культуре. В течение этого года земля оставалась под паром.

²⁶ *Сальтация* — танцевальное искусство.

²⁷ *Харув* — рожковое дерево. Его плоды употребляли в пищу. Упомянулось в Талмуде как «дерево бедных».

²⁸ «Будучи истинным другом, я друга в другом распознаю» (Фокилид, перевод Н. А. Чистяковой).

²⁹ *Лары* — божества, покровительствующие дому и семье.

— Ты слышал о падении Галла, Луций? — вполголоса спросила Прокула, озираясь. — Говорят, он любовник Агриппины³⁰. За это ее и сослали.

— Галлу семьдесят лет, — возразил Сенека. — Куда ему в любовники?

— Тогда за что они наказаны?

— Очевидно, возводили напраслину на Сеяна.

Прокула кинула оливковую косточку на пол.

— А еще говорят, что Галл был настоящим отцом покойного Друза.

И Тиберий это знал.

Сенека поежился.

— Это опасный разговор, Прокула. Лишь уважение к тебе как к хозяйке дома мешает мне уйти.

— Да об этом все болтают.

— И поэтому не проходит месяца без казни.

Прокула тонко улыбнулась.

— Расспроси об этом Агриппу, когда будешь дарить ему свой трактат. Он же ходил в друзья у Друза. Кстати, а нельзя его у тебя выкупить?

Сенека отхлебнул вина.

— Право слово, там нет ничего стоящего. Я привез его, решив, что такая писанина может понравиться халдею. Если тебе так уж нужна моя рукопись, я прикажу по возвращении сделать копию и отправлю ее тебе.

— О, это было бы замечательно!

Сенека усмехнулся.

— Я тоже когда-то трепетал перед египетской магией, пока не увидел Египет. Его святилища лежат в руинах, его древним богам давно не приносят жертв. В главном храме Фив разбили лагерь легионеры! Будь египтяне мудрецами, их царство не пришло бы в такой упадок. Когда я читал то, что приносил мне Херемон — это жрец Сераписа, переводивший для меня египетские письма, — я поражался извращенности их веры. Бог-гермафродит, родивший сам себя, погибший и воскресший благодаря волшебству Исиды, — что за чудовищное суеверие? А эти дикие египетские обычаи... От обрезания меня бросает в дрожь. Если бы Юпитер хотел обрезания, он бы сотворил мужчин обрезанными. Разве нет? И вот от таких людей ты ждешь истины, госпожа! — Он вздохнул и покачал головой.

Прокула будто не слышала. Задумчиво жуя пирог, она промолвила:

— Я очень переживаю за мужа. Сейчас, когда открыты гонения на семью Германика, не начнут ли карать всех, кто был к нему близок? Нет, Понтий никогда не был ему другом, — быстро уточнила она, — но так могут подумать из-за мальчишки. Скажут: «Если Германик передал тебе свой главный трофей, значит, ты заслужил его доверие». В такие мгновения я радуюсь, что мы уже пятый год не в Италии.

³⁰ Агриппина — жена Германика.

Сенека содрогнулся.

— Тебе повезло, госпожа, что ты поделилась этим со мной. Я не из тех, кто доносит. Но будь на моем месте прожженный честолюбец, он бы воспользовался твоей откровенностью.

Прокула встревоженно приподнялась над подушкой. Некоторое время она сверлила гостя глазами, потом поджала губы.

— Нет, плохой человек не стал бы меня предостерегать.

Вернулись Пилат с Тумеликом. Наместник первым делом осведомился, понравилось ли гостю вино.

— О да! Превосходное. Менее всего я ожидал встретить здесь такое вино.

— Ретийское! Как любит Тиберий.

Ну конечно. А какое еще!

— О чем вы тут болтали без нас? — добродушно спросил Пилат, устраиваясь на ложе.

— Луций рассказывал мне о Египте, — ответила Прокула. — Он очень недоверчив к тамошним чародеям.

— И правильно. Недаром Тиберий изгнал их из Италии. Сплошное растление умов.

— А как же оракул Сераписа? — с улыбкой спросила Прокула Сенеку. — Ведь он славен на весь мир.

— Восхитительное место! — с воодушевлением отозвался гость. —

На берегу канала там устроены беседки, соединенные переходами. Несколько раз в году, когда жрецы устраивают праздник в честь вновь обретенной молодости, мы собираемся там для веселья. Непередаваемое ощущение! Самое потрясающее, что я испытывал в жизни.

— Охотно верю, — пробурчал Пилат. — Но мне больше по душе наши римские праздники. Жаль, начало Мегалезий придется встретить в Иерусалиме из-за этих евреев. Но к Цереалиям я надеюсь вернуться и устроить гонки на колесницах. Тумелик, — вдруг сказал он, — а ну-ка, зачти нам что-нибудь из Риана. Он знает уйму его стихов, — похвастался Пилат, а Сенека мысленно усмехнулся: с тех пор, как власть перешла к Тиберию, честолюбцы наперегонки изучали произведения его любимых поэтов.

Чтением эпиграмм Риана Критского, переведенных Тиберием, и закончился ужин.

Право, Клеоник, тебе, идущему узкой тропинкой,
Милые встретились там как-то Хариты, и вот
Руки, подобные розам, тебя заключили в объятия,
Отрок, и сделался ты прелести полным Харит.
Радуйся, но вдалеке от меня. Ведь, милый, опасно
Близко сухой асфодел к пламени так приближать.

Дексионик, ловивший в тени под зеленым платаном
Черного клеем дрозда, птицу за крылья схватил;

И со стенанием громким кричала священная птица...
Я же, о милый Эрот, юное племя Харит,
Я бы на месте дроздов, лишь бы в этих руках оказаться,
Рад бы не только кричать, — слезы сладчайшие лить³¹.

«Тетрарху Ироду Антипе от Луция Аннея Сенеки, из Кесарии Палестинской в одиннадцатый день после мартовских ид. Если ты здоров, хорошо. Надеюсь, твои родные и войско тоже здоровы. Префект Египта Гай Галерий, мой дядя, отправил меня к тебе по важному делу. Жду, что ты сможешь принять меня в Тибериаде или в другом месте в ближайшее время. Сообщи мне, пожалуйста, о своем согласии. Молюсь, чтобы ты пребывал в благе и счастье».

Сенека написал тетрарху по-латыни. Через день пришел ответ — на греческом: «Тетрарх Тит Юлий Ирод Антипа Луцию Аннею Сенеке, из Тибериады, в пятый день падающего месяца элафеболиона, множество приветствий. Молюсь о твоём добром здравии и о твоём почтеннейшем дяде. Я помню его по Риму. Надеюсь, у него все хорошо. Жду тебя в Тибериаде с нетерпением. Если не застанешь меня там, знай, что я в Иерусалиме, нашей древней столице, на празднике Песах, куда я должен отправиться через семь дней. Сможешь найти меня там во дворце первосвященника. Передай привет Понтию Пилату и дражайшей Прокле, я молюсь за их благополучие».

Сенека усмехнулся, прочитав это. Тетрарх в послании назвался своим римским именем — с явным намеком. Ну что ж, пусть его. Гражданин он или не гражданин, его племянника от выплаты долга это все равно не спасет.

Ранним утром, погрузив вещи в телегу, Сенека распрощался с гостеприимным Пилатом, влез в крытую повозку и тронулся в путь, сопровождаемый десятком греков и сирийцев из вспомогательной когорты. В повозке, кроме него, ехал Сардоник, раб, обученный чтению и письму. Разговорами с ним Сенека обычно коротал время в дороге. Два других раба и мальчик-родосец, с которым Сенека совершал ежеутренние пробежки, тряслись позади в телеге, среди ящиков и тюков.

Пока не выехали из города, Сенека ломал голову над тем, о чем же сегодня побеседовать с невольником. Сначала он хотел поделиться с ним мыслями касательно частной жизни Пилата — кажется, наместник не слишком обожал свою жену, в связи с чем Сенека хотел блеснуть цитатой из Секстия³²: «Если кто чересчур любит супругу, уже повинен в блуде

³¹ Эпиграммы Риана, греческого поэта и ученого второй половины III в. до н. э., приведены в переводе Ю. Ф. Шульца.

³² *Квинт Секстий Старший* (I в. до н. э.) — римский философ.

с ней». Но эта тема показалась ему недостойной человека высоких помыслов, и Сенека решил заменить ее политическими прогнозами: станет ли Сеян наследником верховной власти, когда женится на племяннице Тиберия, или император предпочтет ему слабоумного брата Маленькой Ливии Клавдия³³, сделав Сеяна его главным советником? Однако и это выглядело мелковато для философа (так Сенека сказал себе, не желая признаваться в своем страхе), поэтому в итоге он завел беседу о равенстве всех людей, вдохновленный знакомством с сыном Арминия — германцем, выросшим среди римлян.

— О лучшем доказательстве своих слов я не мог и мечтать, — говорил Сенека, обмахиваясь египетским веером из страусиных перьев. Его лицо то пропадало в сумраке, то освещалось лучами солнца, проникавшими в щель между краем окошка и покачивающейся занавеской. — Напрасно многие думают, будто варвары неисправимы. Достаточно изменить условия их жизни, переделать на римский лад, и они станут такими же добрыми гражданами, как все прочие. Главное — держать их подальше от суеверий. Впрочем, влиянию этого недуга подвержены и мы. — Сенека покачал головой, бросив взгляд на дорогу. Там в пыльном мареве шли женщины с корзинами на головах, крестьяне вели ослов с мешками по бокам, проплывали оливковые рощи и сельские домики с плоскими крышами, заросшими чахлым кустарником. — Мы, римляне, покорили мир и доказали превосходство нашего образа жизни. И что же теперь? Вместо того чтобы всех превратить в римлян, мы сами погружаемся в пучину варварства. Меня это очень огорчает, Сардоник. Даже наши благородные сословия не избавились от животных начал. Я уж не говорю про низы. Сколько недовольства вызвало разумнейшее решение Тиберия закрыть театры для мерзких зрелищ! А сколько глухого ропота до сих пор раздается из-за прекращения гладиаторских боев! А как ворчали жители Италии, когда Тибериус разогнал всех магов и сослал евреев на Корсику! Кое-кто называет Тибериус тираном, но тиран не стал бы отказываться от звания государя. Нет, он не тиран, он — строгий учитель и блюститель нравов. Римлян неудержимо влекут непотребства, колдовство и кровь. Признаюсь, от созерцания всего этого меня захлестывает бешенство. Будь я на месте Тиберия, пожалуй, не ограничился бы лишением всяких проходимцев огня и воды³⁴, а отправил бы их на кресты. Гражданам же запретил бы под страхом смерти приглашать к себе мимов, гадателей и гладиаторов. Наш правитель слишком снисходителен! Какой пример мы можем подать варварам, если сами подвержены этому злу? А в том, что это зло, у меня нет никаких сомнений. Человек — вещь священная. Негоже одному причинять вред другому, тем более для потехи толпы. Зло, которое мы причиняем, возвращается к нам и разъедает душу словно ржавчина. Зло — это дурное семя, из которого не родится

³³ *Маленькая Ливия* (Ливилла) — Клавдия Юлия Ливия, вдова Друза Младшего. Прозвана так в отличие от Большой Ливии — матери Тиберия. Клавдий — император в 42—54 годах.

³⁴ Т. е. ссылкой.

ничего, кроме боли, как из оливковой косточки всегда вырастает олива и никогда — смоковница. Не вред надо причинять другому, а бескорыстно нести ему добро, этим ты лечишь душу и окружаешь себя друзьями. Добродетель сама себе награда! Вот о чем писал Панетий³⁵, когда говорил, что наша жизнь должна быть посвящена благу других. Но люди недальновидны и подменяют добродетель торговой сделкой. Приносят богам жертвы, гадают по звездам и ворожат, пытаясь подчинить себе судьбу и божью волю. Овидий глупец! «Если Юпитер к тому, кто молит, глух остается, то для чего на алтарь жертвы ложатся к нему?»³⁶ Ну и что, помогли ему эти жертвы? Богам нет до нас никакого дела. Желай они что-то поменять в мире, то создали бы мир другим. Подай-ка мне сушеных фиников, — сказал он вдруг, показав на корзинку, которая стояла под лавкой.

Раб поднялся, вытащил корзинку и, не вставая с колен, протянул ее на ладонях хозяину.

— Поставь на пол между нами и тоже угощайся, — велел Сенека. — Ты такой же человек, как и я. И даже лучше многих свободных. Да-да, не удивляйся. Лучшая часть любого из нас свободна от рабства. Плох человек или хорош, достойный он или нет, определяется здоровьем его души. Ведь Эзоп был невольником! И что же, мы от этого менее ценим его? Ко всем надо относиться одинаково. Философ — я говорю о настоящем философе, а не о болтуне с форума — готов нести слово истины любому человеку, даже и дурному. Врачи ведь тоже общаются с больными, но не заболевают, как говорил Антисфен³⁷. А Диоген дополнял его: «Солнце светит в помойные ямы, но не оскверняется»...

Эти рассуждения были прерваны короткими глухими стуками, будто в повозку воткнулось несколько стрел. Тут же раздались крики и понеслась отборная брань. Сенека, вздрогнув, осторожно выглянул в окно. Из финиковой рощи, раскинувшейся вдоль дороги, выбегало десятка два вооруженных людей с закрытыми понизу лицами. У одних в руках были луки, у других — пращи. Сенека не поверил своим глазам. Неужто разбойники? Его, племянника египетского префекта и гостя наместника Иудеи, смеют грабить какие-то еврейские голодранцы? Сама эта мысль была нелепа.

Повозка остановилась. Полный возмущения, Сенека решительно толкнул ногой дверцу и спрыгнул на дорогу. Двое всадников лежали в пыли, сраженные стрелами. Остальные сгрудились вокруг повозки, выставив копья. Стоял ужасный гам: нападавшие что-то вопили на своем языке, всадники орали в ответ.

— Вы понимаете, кто я такой? — что есть силы закричал Сенека на латыни. — Одного моего слова достаточно, чтобы всю вашу Иудею засыпали солью.

³⁵ Панетий Родосский (II в. до н. э.) — греческий философ, реформатор стоицизма.

³⁶ Цитата из «Писем с Понта» Овидия. Перевод Э. Н. Морозкиной.

³⁷ Антисфен (V—IV вв. до н. э.) — греческий философ-киник.

— Господин, они — злодеи, — по-гречески с сильным акцентом произнес один из воинов. — Хотят вещи. Иначе хотят убить.

Сенека метнул на него гневный взгляд.

— Кого убить? Меня? Вы что, меня убить грозите? — обратился он к нападавшим на латыни, от гнева забыв греческий.

Ответом ему была стрела, пролетевшая рядом с ухом и угодившая в глаз Сардонику, который тоже полез наружу вслед за хозяином. Не успев даже охнуть, раб вывалился наружу и замер. Сенека отшатнулся в ужасе. Неужто это не сон? Такого с ним не случалось даже в Египте, где грабитель — уважаемая профессия.

— Вы знаете, сколько стоил этот раб? — заорал он по-гречески, выкатив глаза.

— Давай воз! — закричал убивший Сардоника. — Воз нужен.

— Телега? Хотите отобрать мои вещи? Забирайте все и проваливайте к воронам. Но оставьте свитки. Вам они все равно ни к чему.

— Нет! — замотал головой лучник. — Нужно все.

— Всё? Котурны вы безграмотные! Зачем вам мои рукописи?

Ответом ему была еще одна стрела, просвистевшая над головой.

Сенека махнул рукой.

— Забирайте и уматывайте. Наместник все равно вас из-под земли достанет.

Всадники опустили копыя. Один из разбойников подбежал к телеге, согнал возницу и рабов Сенеки, взял лошадь под уздцы и затрусил в рощу. Остальные продолжали целиться из луков, пока телега, грохоча, не исчезла среди деревьев. Сенека, дрожа губами, провожал ее взглядом. Не вещей ему было жалко, а книг. «О благодущии» Панетия и «Кира» Антисфена он даже не успел прочесть. А трактат о магии? Эти мерзавцы и не догадываются, какое сокровище попало им в руки. С чем он явится к Антипе?

Дождавшись, пока налетчики скроются в роще, Сенека подошел к телу Сардоника.

— Как несправедлива судьба! Я ведь хотел освободить тебя. — Он поднял мертвого невольника под мышки и втолкнул его обратно в повозку. Воины тем временем спешили и окружили своих поверженных товарищей.

— Афинагор жив! — воскликнул кто-то.

— Положите его в повозку, — приказал Сенека. — Да поосторожней, не заденьте стрелу. Скорее в город, пока он не истек кровью.

Ко дворцу наместника они примчались так быстро, что Пилат даже не успел приступить к делам. Сенека на ходу выскочил из грохочущей по камням повозки и влетел во дворец. Совершенно забыв об учтивости, он бросился в покои хозяина. Возле двери в спальню путь ему преградили два раба с ножами за поясом.

— Дайте пройти или распну! — рявкнул Сенека, совершенно забыв, что они, быть может, не понимают латынь.

Маленький и тщедушный, он был похож на взъерошенного кота перед молосскими псами. Дверь распахнулась, и оттуда выскочила перепуганная рабыня.

— Что тут такое? — пролепетала она. — Госпожа встревожена.

— Госпожа? — нахмурился Сенека. — Передай ей мои извинения.

Мне нужен твой хозяин.

— Он спит в другом месте, — ответила рабыня, таращась на него.

— И где же это место?

— Наверху. Мне передать что-то госпоже?

— Нет. — Сенека развернулся и зашагал к мраморной лестнице.

Рабыня крикнула ему вслед:

— Хозяина нельзя беспокоить!

— Тогда передай госпоже, — велел Сенека, обернувшись, — что меня ограбили за городскими воротами. Я подожду префекта в зале.

И вышел.

Наместник вскоре явился. Вид у него был крайне встревоженный.

— Слава Геркулесу, ты жив, мой дорогой гость! Я принесу жертву гению Августа за твоё спасение. Эти негодяи не ранили тебя?

Сенека, в нетерпении ходивший меж статуй, посмотрел на него и в ярости сжал зубы.

— Так-то ты следишь за порядком во вверенной тебе провинции, уважаемый Пилат?

— Я потрясен не меньше твоего. Здесь, под стенами Кесарии, всегда было спокойно. У нас тут не пустыня и не сирийская граница. На каком языке говорили эти мерзавцы?

— Точно не на греческом. И не на латыни. Один из воинов переговаривался с ними.

— Значит, на еврейском или сирийском. Я уверен, мы скоро их переловим. Твои убытки я восполню из моих средств.

— Я потерял довольно много. Кроме личных вещей еще грамотного раба, который помогал мне в моих трудах, и свиток по египетской магии. С чем я явлюсь к Агриппе?

— Потерю раба я также оплачу. Что касается свитка, то его, надеюсь, обнаружат вместе с прочим украденным. Мессалам — здешний надзиратель за преступниками — знает Иудею как свои пять пальцев. От него ничто не укроется.

— Но я не могу ждать, пока он закончит поиски!

Наместник развел руками.

— Тут я бессилён. Могу лишь предложить тебе заменить этот свиток другим из моей библиотеки.

— Мою работу не заменить ничем! — вспыхнул Сенека. — Она неповторима!

Пилат опустил в курульное кресло и поник.

— Но ведь в Египте у тебя осталась копия? — спросил он.

— Не копия, а обширный труд, толкующий о природе Египта и обычаях его жителей. Хочу преподнести его Тиберию или Сеяну.

Пилат невольно покосился на статую префекта претория.

— Позволь спросить, а зачем вообще дарить Агриппе трактат о египетской магии?

— Он падок на редкости, как всякий варвар. Мне неприятно было бы сознавать, что я забрал у него деньги, не дав ничего взамен.

Пилат в удивлении поднял бровь, но спорить не стал.

— Ты можешь взять из моей библиотеки все, что пожелаешь. У меня есть любопытные вещи. Писания Элефантиды, Приапова книга...

Сенека едко рассмеялся.

— Нашел чем удивить! Такого добра хватает у всех. А вот имеется ли у тебя, наместник, работа Антония о винопитии или трактат Брута по стоической философии? А сочинения Кремуция Корда или Кассия Севера? А как насчет, — он выдержал паузу, — «Отыквления божественного Цезаря»?

Пилат в ужасе посмотрел на него.

— «Что ни поэт — то безумец»³⁸, — процедил он. — Желаете, чтобы я окончил дни на Гиаре?³⁹ К этим мерзким свиткам я не приближаюсь. А «Отыквления Цезаря» и в руках не держал.

— Выходит, прочие держал? — прищурился Сенека.

— Ты задаешь неуместные вопросы, — холодно ответил Пилат. — То, что тебя ограбили, не дает тебе права дерзить мне.

Сенека хотел было язвительно спросить, что же дает такое право, но тут раб объявил о приходе Мессалама.

Сенека был настроен мрачно. Скорее всего, налетчики уже скрылись в пустыне или разбежались кто куда. Но, к его удивлению, первого злодея схватили уже вечером. При нем нашли войлочную шляпу из вещей Сенеки, которую Мессалам тут же вернул хозяину. Головореза же, избитого, со связанными руками, привели в дворцовый зал. Это был еврей или другой варвар из местных — черные волосы стекали по вискам, переходя в столь же черную бороду. Меж обломанных зубов сочилась кровь. Грязная серая туника по краю была подбита красной бахромой. Сенека, сидевший на двухместной мягкой скамейке у стены, не мог сдержать омерзения при виде этого дикаря. Животное! Настоящее животное!

— Кто такой? — холодно спросил по-гречески Пилат, восседавший в кресле на возвышении.

— Иисус, — мрачно прохрипел варвар, исподлобья глядя на наместника. Воины держали его с двух сторон, выворачивая руки.

³⁸ Цитата из «Писем с Понта» Овидия. Перевод А. В. Парина.

³⁹ *Гиара* — остров в Эгейском море, обычное место ссылки во времена Древнего Рима.

— Еще один еврейский бунтовщик, — брезгливо сказал Пилат. — Ты почему не величаешь меня господином? Сотник, всыпь-ка ему десяток плетей.

— Это кинжальщик, господин, — сказал стоявший слева от злодея Мессалам. — Они никого не называют господами, кроме своего бога.

— Эти мне евреи... Ты уже приговорен к распятию, негодяй, — сказал Пилат. — В моей власти сделать твою смерть быстрой и легкой или долгой и ужасной. Отвечай быстро: кто твой отец? Где ты родился? Сколько людей с тобой было? Их имена. И не делай вид, что не понимаешь меня.

Еврей захрипел, с ненавистью глядя на Пилата, и что-то коротко произнес. Сенека разобрал только нечто похожее на «барáббас». Пилат недоуменно посмотрел на Мессалама.

— Что он там бормочет?

— Это по-арамейски, господин. «Бар абба» означает «сын отца».

— Да он смеется! Ладно, посмотрим, как ты запоешь завтра. Уведите его! Ты тоже можешь идти, — сказал Пилат писцу, сидевшему на ступеньках трибунала.

Налетчика потащили к выходу. Мессалам двинулся следом, но голос наместника остановил его.

— Надзиратель, ты останься. Я хочу знать, как ты нашел его и почему уверен в его вине.

Мессалам вернулся.

— Декаду назад этот человек произвел волнение в еврейском квартале, господин. Он прибежал в Кесарию из Переи и с тех пор затевает споры с еврейскими старейшинами. Полагаю, он из шайки того одержимца, которого Антипа казнил в прошлом году. Я не трогал его, потому что он не казался мне опасным. Но сегодня, после нападения разбойников, решил на всякий случай проверить. Иудеи сказали мне, что изгнали его, так как он говорил непотребные вещи об уважаемых людях и призывал не платить десятину в Иерусалим. К счастью, мне не пришлось его долго искать. Он ушел к ессеям⁴⁰ — тем людям в белых одеждах, которые живут на Крокодильем ручье. Я распознал его по шляпе, слишком дорогой для такого отребья. Когда я схватил его, то нашел при нем длинный нож и двадцать драхм Антипы, зашитых в одежду. Это подсказало мне, что перед нами кинжальщик, ведь они не прикасаются к римским монетам и всегда носят ножи. Возможно, его послал сюда сам Элеазар бен Диннай, если он еще жив.

— Он сказал, куда спрятал добро нашего гостя?

— Подельники увезли добычу в горы Бет-Хорон. А этот остался, чтобы волновать народ.

⁴⁰ *Ессеи* — одна из трех древнееврейских религиозно-философских школ (саддукеи, фарисеи, ессеи).

— Плохо дело, — огорчился наместник. — Теперь, чтобы вернуть твои вещи, Луций, придется высылать большой отряд, но и он может ничего не найти. Бет-Хорон — гиблое место.

— Значит, такова моя судьба, и пенять на нее глупо, — ответил Сенека, вставая со стула и приближаясь к трибуналу. — А кто такой этот Элезар бен Динай?

— Предводитель разбойников, прячущийся в заиорданской пустыне, — ответил наместник, спускаясь по ступенькам.

— Но откуда он знал, что я поеду сегодня в Тибериаду?

Пилат пожал плечами и вопросительно посмотрел на Мессалама.

— О том, что к тетрарху едет знатный римлянин, знает весь город, господин, — ответил Мессалам.

— Это Прокула растрепала подругам! — с досадой выпалил Пилат по-латыни, обращаясь к Сенеке. — Больше никому.

— Прошу тебя, не наказывай ее, — взмолился Сенека. — Никто же не говорил, что моя поездка должна храниться в тайне.

— Это правда, — смягчился Пилат. — Ты можешь идти, Мессалам. Я доволен тобой. Но не прекращай поисков. Мы должны вернуть нашему гостю все потерянное.

Мессалам поклонился и вышел, а Пилат сказал Сенеке, опять перейдя на латынь:

— Если ты не оставил намерения встретиться с Агриппой, это можно было бы сделать в Иерусалиме. Так будет безопаснее. Я не прошу себе, если с тобой опять что-нибудь случится.

— О, наместник, избавь меня от варварских игрищ в варварском городе! — воскликнул Сенека. — Я уже посмотрелся на этих людей в Египте. Твоя Кесария мне больше по вкусу. Тибериада, я слышал, тоже цивилизованное место. Там мне будет намного приятнее говорить с Агриппой, чем в Иерусалиме.

— Как тебе будет угодно, — кивнул Пилат.

Выходя из дворца, Мессалам увидел Тумелика. Мальчишка сидел на крыльце и наблюдал, как двое сорванцов возились посреди дороги, вгоняя булыжниками монету в щель между камней. Увидев тень, Тумелик повернул к надзирателю голову и прищурился, прикрывшись ладонью от солнца.

— Развлекаешься? — ухмыльнулся Мессалам, сразу догадавшись, что монету мальчишкам вручил сын Арминия. Откуда еще у таких голодранцев деньги?

Тумелик улыбнулся. Мессалам приблизился к нему и посмотрел сверху вниз.

— Ты все правильно сделал. Учитель будет доволен.

Вечером, омывшись в бронзовой ванне и поужинав, Мессалам призвал двух рабов и передал им заплечный короб.

— Отнесете это в Гитту кожевеннику Симеону. Назад вернетесь завтра.

До Гитты, самаритянской деревни в кесарийском округе, посланцы добрались уже затемно. Стучаться в чужой дом после захода солнца было не принято, но Мессалам не сомневался, что Симеон обрадуется его гонцам, когда узнает, что они принесли.

Так и вышло. Когда кожевенник прочел короткое письмо надзирателя и заглянул в короб, его недовольство, вспыхнувшее было при появлении непрошенных гостей, тут же улетучилось. Он угостил посланников хлебом и сыром и отправил в сарай спать на тюфяках.

«Учитель, — писал ему надзиратель за преступностью на древнем языке, известном только мудрецам да священникам. — Господь помогает нам. Посылаю тебе книгу египетских таинств, написанную римским книжником со слов жреца Сераписа, — да поможет она пролить свет на сокровенное знание. С нею вместе отправляю и несколько греческих писаний. Быть может, они также окажутся полезными тебе».

В Тибериаде

Ночью похоронили Сардоника. Устройством похорон занимался человек Пилата, но Сенека тоже принял участие в церемонии, сопроводив тело верного слуги на кладбище и произнеся над ним похвальную речь. Потом тело сожгли, а кости и прах ссыпали в урну, которую Сенека оставил у Пилата, намереваясь захватить ее на обратной дороге, чтобы доставить жене Сардоника. Пилат был потрясен — никогда в жизни он не видел, чтобы господин так пекся об останках своего невольника.

— Если желаешь, я приглашу мимов, — предложил он то ли в шутку, то ли всерьез. — И зарежу свинью.

— Он был больше, чем невольником, — резко возразил Сенека. — Он был другом.

Наместник понимающе кивнул.

На этот раз он выделил Сенеке целую сотню всадников в охранение, а начальником над ними поставил своего боевого товарища Марка, с которым бился при Идиставизо. В том сражении Марку сломали нос, так что теперь этот ветеран войн Германика выглядел столь же устрашающе, как и те варвары, которых ему довелось покорять. С таким сопровождением Сенека мог не то что не опасаться разбойников, а даже покуситься на захват какого-нибудь городка.

Сенеку все это не утешило. Он пребывал в горьких чувствах. Его, римского всадника, имеющего связи в Сенате, ограбили какие-то

мисийцы⁴¹ в забытой богами дыре! Конечно, плох тот философ, который теряет самообладание от таких неприятностей, ведь мудрец должен умереть для внешних вещей, но отстраниться как-то не получалось. Сенека вспоминал пережитое и скрипел зубами от ненависти. Во всем виновата Прокула, ее проделки! Она хотела получить трактат по египетской магии, вот и навела на него разбойников. Но знал ли об этом Пилат? Конечно, знал! Неужто его жена сама могла набрать молодчиков, поджидавших его на дороге? Надо написать жалобу в Рим. Напомнить, что Пилат служил под командой Германика, а Германик передал ему сына Арминия... Сенека чуть не потерял руки от удовольствия. Но тут же одернул себя. Нет, благородный муж не опускается до доноса! Надо выступить честно и открыто. У него нет доказательств? Ну и пусть. Не все ли равно, как будет восстановлена справедливость? Зарвавшийся чиновник получит свое, а провинция — нового, лучшего наместника. Все будут довольны. Зря он не поговорил с тем евреем. Доверился Мессаламу, а Мессалам — человек Пилата... Зря!

Плохое настроение Сенеки подпитывалось уверенностью, что в Тибериаде он встретит одну лишь враждебность. Евреи вообще злобное племя: не едят свинину, бездельничают в Сатурнов день, не женятся на иноверцах, пуще огня боятся изображений богов и правителей, молятся облакам и пустому небу, а еще кастрируют себя. И вот среди такого народа ему предстоит провести несколько дней. «Провались к Плутону эта Сирия Палестинская, и все сирийцы в придачу», — бурчал Сенека. Интересно, пустит ли Антипа его за свой стол или заставит принимать пищу в одиночестве?

Все ему теперь казалось отвратительным: дорога, вдоль которой не было ни одного храма и ни одной гробницы, зато бесконечно тянулись еврейские деревушки и засеянные поля; природа, куда более обильная здесь, в Галилее, чем на побережье, но по-прежнему весьма бедная в сравнении с египетской; бесконечные холмы, из-за которых то и дело приходилось пересаживаться с передней лавки на заднюю и обратно, чтобы не съезжать на пол. А еще выводили из себя бесконечные караваны, двигавшиеся по дороге. Их было так много, что ноздри то и дело пронзал мерзкий запах навоза, от которого у Сенеки уже першило в горле. Он пытался отвлечься, читая Парфения и Эвфориона, которых раздобыл в библиотеке Пилата (с паршивой овцы хоть шерсти клок), но, как назло, эти двое совершенно не пришлись ему по вкусу. Может, и впрямь следовало взять какое-нибудь руководство по астрологии или сборник анекдотов, как советовал наместник. Такого рода книжонок там было в избытке. А он вместо этого решил ознакомиться с любимыми поэтами Тиберия и прогадал. Ни грубые шутки Эвфориона, ни любовные страдания Парфения не произвели на него впечатления.

⁴¹ *Мисийцы* — народность, относящаяся к группе фракийских племен. В переносном смысле — разбойники.

«Цицерон был прав, — подумал Сенека. — Лучше читать Энния»⁴². Но у Пилата такого не водилось.

Когда в очередной раз повозка застряла в скопище ослов и верблюдов, Сенека не выдержал и, высунувшись в окно, закричал вознице погречески:

— Или ты сейчас же выберешься отсюда, или я напишу такое письмо Пилату, что ты всю жизнь будешь служить на набатейской границе!

Перепуганный возница заработал хлыстом, пытаясь разогнать животных, но только внес сумятицу. Поднялся разноголосый рев, караванчики тоже зашумели, возмущаясь такому обращению с их скотиной. Сенека, не обращая на них внимания, подзадоривал возницу, а тот бил вожжами двух мулов, запряженных в повозку, и охаживал хлыстом верблюда, который зацепился тюком за оглоблю. Раздался треск, и передняя доска, в которую вставлялась оглобля, упала на дорогу, а вслед за ней грянулась носом и повозка. Возница рухнул на камни, Сенеку, опиравшегося локтем на край окна, развернуло и бросило спиной в переднюю стенку. Мулы дернулись вперед и потащили за собой вырванное с доской дышло. К повозке уже приближались разозленные караванчики, а им навстречу столь же решительно шагали охранники Сенеки. Гам не смолкал.

С караванчиками все уладилось быстро: сотник Марк просто дал короткий совет, куда им следует убираться, и те, хмуро огрызаясь, пошли собирать скот, разбредшийся по полям. С повозкой было сложнее.

— На станции должен быть плотник, — сказал Марк. — Я отвезу тебя, господин, а повозку оставим здесь под охраной.

Путь до станции Сенека проделал верхом — лошадь ему одолжил один из воинов, оставшихся при повозке. Прихватил с собой и мальчишку-раба, с которым бегал по утрам. Дорога заняла меньше часа. Но плотника там не оказалось.

— Уже год ждем, — сказал начальник станции. — Раньше у нас еврей работал, так ушел в пустыню. А замену никак не пришлют.

— Бардак, — покачал головой Сенека. — И что же делать?

— Можете доехать до постоянного двора. Это в трех милях отсюда. Или поехать в Автократида. Это примерно столько же, но по другой дороге. Оттуда тоже есть дорога в Тибериаду. Только придется сделать крюк.

— Тогда едем в Автократида, — решил Сенека, ужасавшийся мысли, что ему придется заночевать на постоялом дворе посреди варварской земли.

«Ну берегись же, Пилат, — злобно подумал он. — Когда в Риме прочтут, как ты следишь за провинцией, мигом вылетишь отсюда».

До Автократиды добрались через полстражи⁴³. Стояло лютое пекло, и Сенека возблагодарил богов, что Мессалам сумел отыскать его

⁴² Парфений (I в. до н. э.) и Эвфорион (III в. до н. э.) — древнегреческие поэты; Квинт Энний (III—II в. до н. э.) — древнеримский поэт, грек по происхождению.

⁴³ Стража — здесь: мера времени, равная примерно трем часам.

шляпу. Впрочем, если бы надзиратель этого не сделал, Пилат наверняка подарил бы гостю головной убор из своих запасов. Отправляться в путь летом, не имея такого предмета одежды, было смерти подобно.

Автократида, огромным гнездом облепившая холм, оказалась городом римским, но населенным евреями. На самом вершине красовалась базилика, вопреки обыкновению напрочь лишенная статуй. Сенека сразу пожалел, что не отправился на постоянный двор — тот хотя бы принадлежал его согражданам. А здесь даже не имелось храма Августа и бродили странные люди в полосатых покрывалах, с коробочками, прикрепленными ко лбу и запястьям. Жители, увидев конный отряд, прятались по домам, как мыши от кота. Не у кого было спросить дорогу. Наконец нашли гостиницу. Хозяйка, пожилая иудейка, заметалась, узрев столь важного гостя, принялась усиленно кланяться и пообещала не только разместить Сенеку, но и послать за овсом для лошадей. А еще найти плотника.

— Прикажешь ли отвести твоему сыну отдельную комнату, господин? — спросила она по-гречески, показав на мальчишку.

— Это не сын, а раб, — сварливо откликнулся Сенека. — Он поспит на полу. Дай ему циновку и покрывало.

— О, господин! — всплеснула руками хозяйка, испуганно таращась на него. — Прости, я не знала ваших обычаев.

— Каких обычаев? — подозрительно уставился на нее Сенека.

— Просто... у нас нет рабов-детей. Прошу, не сердись на мою дерзость.

Сенека махнул рукой и пошел спать. А утром перед пробежкой имел удовольствие наблюдать, как хозяйка препирается с Марком по поводу платы за овес.

— Разве моя вина, что нынче субботний год? — говорила женщина. — Зерно везут издалека, отсюда и цены.

— Свинья учит Минерву! У вас, евреев, вечно то год не тот, то жратва. Продажные, как сардинцы! Я цену знаю. Получишь то, что причитается.

— Что же мне делать? — воскликнула хозяйка. — Вот что я сделаю: сообщу царю. Он за меня вступится.

— Что за дело до того Гиппоклиду? — небрежно усмехнулся сотник.

— А что там с повозкой? — спросил Сенека, подходя к ним.

— Она в Назарете, господин, — ответила хозяйка. — Это деревня недалеко отсюда. Плотник сегодня починит ее.

— Сегодня? — нахмурился Сенека. — Мне уже надо быть в Тибериаде.

— До города рукой подать, — сказал Марк. — Можем доехать верхом, господин. Повозку доставят воины.

— Пусть будет так, — подытожил Сенека.

⁴⁴ Поговорка, означающая пренебрежение к чему-либо.

Ирод Антипа неожиданно принял гостя столь душевно, что Сенеке стало стыдно за свои мысли о нем. Тетрарх разместил гостя на втором этаже своего дворца, а вечером устроил в честь него пир, созвав всех вельмож и чиновников, живших в городе, самого же Сенеку положил на почетное место, по левую сторону от себя. Угощение своим разнообразием не уступало обедам александрийских гурманов, во время перемены блюд выступали музыканты и акробаты, вино лилось рекой, а со стен на гостя взирали лики Венеры и Геркулеса. Если бы не отсутствие женщин, Сенека подумал бы, что находится в Риме или Египте.

— Попробуй нашего пива, Луций, — посоветовал Антипа. Из уважения к гостю он говорил по-латыни. — Оно веселит сердце куда лучше вина. Жаль, я не могу предъявить тебе нашу главную гордость — рыбу. Ну разве что соленую. Эти подлецы, галилейские рыбаки, придумали себе пост перед Песахом и не хотят работать.

— Пост? — спросил Сенека. — Похвальное благочестие. Нынче такое редкость. А нельзя их как-то заставить?

— Меня и так здесь не слишком привечают. Может быть, ты слышал — в прошлом году пришлось казнить одного горлопана, собиравшего толпы бездельников. Если возьмусь еще и за рыбаков, не избежать волнений. В Иерусалиме только этого и ждут. Там сидит негодяй Каиафа, зять Анны. А Анна, бесстыжий как собака, платит Пилату.

— Вот как? — вяло удивился Сенека, слегка уже опьянев. — А в Риме об этом знают?

— Несомненно. Я постоянно об этом пишу в столицу.

— Тиберий не любит менять наместников. Говорит, что мухи должны насытиться, иначе сожрут государство.

— В итоге мы без рыбы, — вздохнул Антипа.

Сенеке стало смешно. Хозяину дворца было уже под пятьдесят, а он как ребенок переживал из-за таких мелочей.

— Я не большой любитель рыбы, — сказал Сенека, чтобы утешить тетрарха. — Твой стол и без того богат. Честно говоря, меня это изумляет. Ведь у твоего народа множество запретов на еду. Не ожидал встретить здесь такое изобилие.

— Ты что же, думал увидеть здесь обед Диогена? — высокомерно прищурился Антипа.

— Нет-нет, что ты! Такого у меня и в мыслях не было, тетрарх. Антипа усмехнулся.

— А вот евреи зовут меня царем.

Сенека растерялся.

— Ты хочешь, чтобы я тоже так делал?

— Не откажусь, — грохнул смехом Антипа. — Я бы хотел, чтобы все так делали. — Он приблизил лицо к Сенеке. — Пилат не знает евреев. Он доуправляется до восстания. Ты знаешь, что он учудил, когда прибыл?

Вывесил перед иерусалимским дворцом щиты, посвященные Тиберию. Суший абдерец!⁴⁵ И приказал легионерам нести службу с императорскими значками. Ему повезло, что народ не взбунтовался.

— Не вижу здесь ничего предосудительного, — заметил Сенека.

— Ты, видно, не знаешь наших обычаев...

— Я насышан о них.

— Местные готовы отдать жизнь за то, чтобы не идти наперекор своим священным книгам. Я-то, как видишь, выше суеверий, но Иерусалим мне не принадлежит. Будь я там хозяином, сумел бы склонить выи непокорных, как делал мой отец. — Он многозначительно посмотрел на гостя. — Я слышал, тебя ограбили под стенами Кесарии. Красноречивый пример того, как Пилат радеет о провинции.

Сенека охотно согласился с этим выводом и сообщил, что из всех даров, которые он хотел преподнести тетрарху и его племяннику, больше всего сожалеет о потере трактата по египетской магии.

— Я хотел преподнести его Агриппе. Слышал, он большой ценитель редких книг.

— Агриппа? — удивился тетрарх. — О нет, такого за ним не водится. Если он что и читает, то лишь скабрзости. Да и те только изредка. Куда больше ему по душе скачки и игра в кости.

— Вот как? Значит, у меня неверные сведения. — Сенека посмотрел на Агриппу, возлежавшего за другим столом в компании каких-то сановников. Племяннику тетрарха было лет сорок; желтое дряблое лицо, подпертое короткой черной бородой, обнаруживало склонность к порокам.

— Эти страсти его погубят, — продолжал Антипа. — Он приехал из Рима, обремененный долгами, и уже здесь сумел набрать новых. Больше всего он должен главному сборщику налогов в Ямнии Гаю Гереннию Капитону. Это тот, что лежит слева от него.

Антипа взялся расспрашивать гостя о семье и родственниках. В основном его интересовал дядя Сенеки, египетский префект. Вопросы были вроде бы самые обычные, но Сенека чувствовал подвох: тетрарх, очевидно, старался выведать, в каких отношениях находится Гай Галерий с Сеяном и не прислал ли он своего племянника в качестве соглядатая. Ощутив это, Сенека решил припугнуть хозяина и рассказал, как здорово ладили между собой его дядя и нынешний префект претория, когда Галерий жил в Риме.

— Почему же ты сам не остался в столице? — спросил Антипа, явно удрученный тем, что услышал.

— Грудная болезнь вынудила меня перебраться вслед за дядей.

И это была чистая правда. Не будь Сенека слаб здоровьем, никогда бы он не покинул Вечный город, где его ждала сенаторская карьера.

— Правду говорят, что Агриппа был близок с Друзом? — спросил он тетрарха.

⁴⁵ Абдерец — здесь: наивный простак, смешной провинциал. Абдерцы — жители города Абдеры во Фракии, считавшегося глухим захолустьем.

— Разве дядя не рассказывал тебе об этом? — подозрительно прищурился тот.

— Он говорил, что вокруг Друза крутились разные владыки с востока. Но не уточнял, какие именно.

Прозвучало не слишком учтиво. Выглядело так, будто потомки великого Ирода побирались у сына Тиберия как бедные родственники, которых и помнить-то ни к чему. Но такова была правда. Сенека решил не исправлять неловкость — пусть Антипа ощутит все могущество его дяди.

Тетрарх задумчиво отпил вина.

— На пиру не говорят о делах. Но я чувствую, ты здесь из-за Друза. Сенека повернул к нему голову.

— Ты прав, тетрарх, на пиру не говорят о делах. Когда ты примешь меня?

— Завтра в первую стражу дня. Приходи в мои покои.

— Пусть Агриппа тоже присутствует. Я буду говорить о нем.

Тетрарх пристально посмотрел на гостя и кивнул.

— Хорошо.

Вечером из окна своей спальни на втором этаже дворца Антипы Сенека, глубоко дыша, взирал на погруженный в сумрак город. Дворец стоял на холме, и Тибериада лежала перед гостем как на ладони. У самого подножия холма угадывались очертания театра и стадиона, на котором Сенека собирался завтра побегать и потаскать гири. Вдоль берега бескрайнего Галилейского моря сотами лепились дома, большие и маленькие, в полутьме похожие на кучу обтесанных блоков, из каких строились пирамиды. «Не надо было пить, — думал Сенека с раскаянием. — Тем более еврейское пиво. Завтра трудный день». Откуда-то издали раздавался густой звук трубы — легионеры играли третью стражу.

Таблинума у Антипы не водилось, он принял Сенеку на открытой террасе, под журчание фонтанчика, украшенного небольшой статуей Ганимеда с кратером в руках. Тетрарх сидел на стуле, рядом стоял насупленный племянник.

— Я слушаю тебя, Луций, — сказал по-латыни Антипа, когда были произнесены приветствия.

— Марк Юлий остался должен дяде десять тысяч драхм, и дядя хотел бы напомнить об этом, — начал Сенека, назвав Агриппу его римским именем.

— Я помню, — сказал Агриппа, но тетрарх прервал его движением руки.

— Лишь из-за этого ты приехал сюда? — спросил он гостя. — Или есть еще что-то?

— Марк Юлий также должен немалые суммы друзьям дяди, оставшимся в Риме. Некоторые уже в немолодых годах и хотели бы увидеть свои деньги перед смертью.

Антипа вздохнул и обратился к племяннику:

— Я говорил тебе, что такая жизнь до добра не доведет! И вот допрыгался, теперь держишь волка за уши. Что же нам теперь делать?

— А не может твой дядя подождать? — спросил Агриппа Сенеку. — Видишь ли, мы сейчас воюем с набатеями и нуждаемся в средствах. Но когда победим, то всю добычу отошлем в Египет.

— Дядя ждет уже очень давно. Если бы он хотел подождать еще, не отправил бы меня сюда, — жестко ответил Сенека.

— Можно обложить всех особым налогом, — предложил Агриппа, повернувшись к тетрарху. — Или не собирать в этом году на золотую корону.

Антипа прикрыл глаза ладонью и молчал, качая головой. Потом поднял взгляд на племянника.

— Особым налогом — в субботний год. Прекрасная мысль. И написать Тиберию: «Не будет тебе золотой короны. Нам тут с долгами расчитаться надо». Еще лучше.

Он поднялся со стула и вдруг начал орать на племянника, как на нашкодившего мальчишку. Сенека оторопел. Тетрарх честил Агриппу на чем свет стоит, называл его великовозрастным лоботрясом, позором царского дома, презренным фригийцем и почему-то пастухом. Кричал, что терпит его лишь из-за сестры, что его давно пора обратить в раба и лучше б он вообще не рождался на свет.

— Шестьдесят талантов долга! — разорялся он. — Шестьдесят! Где мы возьмем такие деньги? Вся тетрархия дает двести. Вся! Что же ей теперь, работать на тебя?

Увлечшись, он начал путать латинские слова с греческими, а потом и вовсе перешел на местный язык.

Агриппа упал перед ним на колени и разрыдался, обняв дядины ноги и что-то бормоча сквозь слезы.

Антипа, накричавшись, опустился на стул.

— Я напишу префекту, твоему дяде, — глухо сказал он Сенеке полатыни. — Попрошу его об отсрочке.

— Я передам ему твое письмо, — пообещал Сенека.

— Да-да, передай, прошу тебя, Луций, — почти умоляюще произнес Антипа. — Мы тут как Иов на... — он сбился, вспоминая латинское слово, — на куче отбросов. Был такой... — он опять сбился, — философ. Бог послал ему испытания. Вот и у нас сейчас так. И субботний год, и война с Аретой... Еще всякие крикуны покоя не дают. Скажи дяде, что Агриппа все отдаст. А если не отдаст, — он грозно посмотрел на племянника, — я выдам его Гаю на суд и расправу. Пусть делает с ним что захочет.

Агриппа поежился. Сенека кивнул.

— Полагаю, мы пришли к согласию, тетрарх. Да пошлют тебе боги здоровья и благополучия!

Антипа наклонил голову в знак признательности. Сенека вышел.

До пятого часа он занимался с мальчишкой на стадионе гимнастикой и бегом. Потом, перекусив хлебом и сыром, пошел искать Агриппу, с которым хотел переговорить с глазу на глаз. Найти племянника тетрарха оказалось не так-то просто. Хоть тот и занимал должность смотрителя за рынком, на торговой площади его не оказалось. В претории его тоже не было. Служащие посоветовали поискать начальника в кабаках на набережной. Сенека, немало удивленный этим, отправился туда и действительно обнаружил племянника тетрарха возле одной забегаловки азартно наблюдающим за петушиным боем. Не веря своим глазам, Сенека протиснулся к Агриппе, который стоял возле ивовой ограды и возбужденно кричал, потрясая кулаками. Сенека положил ему ладонь на плечо. Агриппа обернулся, и широкая улыбка сползла с его лица.

— У меня к тебе дело, Агриппа, — сказал Сенека по-латыни.

— Погоди... — растерянно промолвил тот, косясь на дерущихся птиц. — Но мы же все выяснили.

— Не все.

— Тогда подожди. Я поставил пятьсот сиклей вон на того.

— Долго они еще будут драться?

— Сейчас закончат.

Жестокое зрелище было неприятно Сенеке, и он отошел, поражаясь легкомыслию внука Ирода.

Наконец бой закончился, и распорядитель принялся выдавать деньги выигравшим. Агриппа был доволен — сегодня ему повезло.

— Я слушаю тебя, Луций, — весело сказал он, завязывая брэнчащий мешочек на поясе.

Они неторопливо направились вдоль берега озера.

— Ты можешь избавиться от долга перед моим дядей, если дашь мне одну вещь, — сообщил Сенека.

— Прекрасно! Какую же?

— Одну книгу. Говорят, ты привез ее из Рима. — Сенека остановился и посмотрел Агриппе в глаза. — «Отыквление божественного Цезаря».

Собеседник вытаращился на него как на жуткое страшилище.

— Ее у меня нет, — пробормотал он.

— У кого же она?

— Она... у меня ее никогда и не было, — ответил Агриппа так быстро, что не оставалось сомнений в его вранье.

— Не лги, Агриппа. Я знаю, что она у тебя.

Тот вцепился в бороду.

— Кто тебе сказал?

— Дядя. Он ведь друг Сеяна. А Сеян прекрасно знает, чем тебя одарил Друз.

— Неужели знает? — ужаснулся Агриппа.

— Да.

— Но почему... почему тогда ничего не делает? — спросил смотритель, пугливо озираясь.

— Ты ему не нужен. Пока не нужен.

Сенеке показалось, что он слышит, как у Агриппы стучат зубы. Еще бы! «Отыквление Цезаря» — самая опасная книга в стране. За ее обладание — смертная казнь. Лучше приносить жертвы духам Брута и Кассия, чем держать дома такую вещь.

— У меня ее нет, — повторил Агриппа.

— Перестань!

— Я ее отдал в счет долга.

— Кому?

— Капитону.

Этого еще не хватало!

— Это тот римлянин, который возлежал рядом с тобой на пиру?

— Да.

— Кто он такой? — спросил Сенека.

— Прокуратор Явне. Вы называете ее Ямнией. Это в Иудее. Он управляет императорскими землями.

Сенека задумался. Проще всего было заставить Агриппу отправиться к Капитону за книгой — пусть выпрашивает обратно. Но что он ему предложит? Агриппа по уши в долгах. Разве что будет действовать через сестру, которая замужем за его дядей. Но время, время! Капитон вряд ли тут задержится, да и у Сенеки нет для этого повода — он ведь уже сказал тетрарху, что они пришли к согласию. Значит, нужно идти самому. Но это так опасно! Как же поступить?

— Любопытно, откуда у прокуратора столько денег? — спросил Сенека задумчиво.

— Он беспощинно продает бальзамическое масло, — объяснил Агриппа. — Это ведь собственность Тиберия.

— А выручку забирает себе, — сделал вывод Сенека.

— Он платит налоги в казну наместника.

Ну разумеется. О нем тоже можно написать в Рим. Вообще неплохо бы разворошить этот муравейник. Хорошо они тут устроились, вдалеке от Палатина⁴⁶.

— А что тут делает Капитон? — спросил Сенека. — Зачем он приехал в Тибериаду?

— Дядя пригласил его. Будут решать, как поступить с землями Хузы.

— Хуза — это человек или местность? — уточнил Сенека.

— Это дядин управляющий. Набатея. Отвез Фазелис к Арете и не вернулся. Теперь дядя хочет отобрать его земли. Но они разбросаны по всей Палестине, даже в Ямнии есть. Вот дядя и пригласил Капитона. Будут решать.

Сенека ничего не понял и потребовал подробностей. Агриппа объяснил: его дядя рассорился не только с Пилатом и арабским царем Аретой, но и с собственными подданными, и даже с частью своих вельмож.

⁴⁶ Палатин — центральный из семи главных холмов в Риме. На нем находился дворец Тиберия.

Хуза — человек Ареты. Двадцать лет назад он привез в Галилею Фазелис, дочь Ареты, которая вышла замуж за Антипу. Тетрарх назначил Хузу своим управляющим, а тот взял во временное пользование оливковые рощи в Ямнии. Но в прошлом году Антипа вдруг отослал Фазелис к ее отцу и женился на сестре Агриппы Иродиаде. Хуза тоже уехал и не вернулся, поскольку оскорбленный царь набатеев объявил Антипе войну. Теперь Антипа в затруднении и не знает, как поступить с раскиданными там и сям землями Хузы, на которые заявила права его жена Иоанна, коренная галилеянка. Да не просто заявила, а еще и связалась с магом из числа последователей того горлопана, которого Антипа казнил за дерзость.

— Да-да, я что-то слышал, — сказал Сенека. — Один из ограбивших меня тоже был поклонником речей этого демагога. Что ж, Антипу можно понять. Ни один властитель не будет терпеть, когда в его владениях разгорается бунт. Но почему Иоанна не уехала вместе с мужем?

Агриппа засмеялся.

— Бросить богатство и жить у арабов, лоя корки с царского стола? Это не для нее.

— Но ведь все ее богатство принадлежит Хузе. А он покинул Галилею.

— Она и сама не из нищих. А Хуза передал ей дарственную на все свои земли.

У Сенеки пошла кругом голова.

— Дарственную жене?

— Жене и дочери.

— Ну и ну! Разве Антипа не может просто лишить их имущества?

— Он боится.

— Боится женщину с ребенком?

Агриппа кивнул, презрительно выпятив губу.

— Боится, что скажут люди. Боится первосвященника. Я бы не боялся.

Сенека покачал головой.

— Я решительно этого не понимаю. Вы, иудеи, странный народ.

Агриппа промолчал. Сенека принялся расспрашивать его про Капитона, желая понять, можно ли открывать этому человеку свою тайну. Со слов Агриппы выходило, что прокуратор — тот еще паук. Приехал в Палестину бедным, а теперь купается в деньгах. Такого не обведешь вокруг пальца. Может, просто пригрозить ему? В Риме не обрадуются, если узнают, что управляющий императорским хозяйством в Сирии Палестинской читает на досуге запрещенную литературу. Но тогда самому Сенеке не видать заветной книги как своих ушей. Придется, видно, пойти на переговоры.

Сделав такой вывод, Сенека скорбно вздохнул. Перед тяжелым разговором надо бы заручиться поддержкой богов. Но как? В этой никчемной стране всего один храм, и тот в Иерусалиме. Не отправлять же туда людей с жертвенной овцой. Значит, остается гадание.

Сенека вернулся во дворец и велел рабу принести с рынка несколько куриных яиц. Когда раб выполнил поручение, Сенека приказал зажечь масляную лампу, положил одно из яиц на ложечку и подержал его над огнем. Сквозь скорлупу начала проступать влага, Сенека напряженно следил за каждой каплей и молился про себя, чтобы яйцо не треснуло (это считалось плохим знаком). Яйцо, к счастью, осталось целым, но количество влаги не удовлетворило Сенеку. Он подумал, что неплохо бы получить еще какое-нибудь знамение. Стал вспоминать, не приснилось ли ему чего ночью, затем подошел к окну, устремил взор на плавающий в липком мареве город, гудящий от тысяч голосов. Долго стоял, ожидая намека от богов и сокрушаясь, что под рукой нет Гомера — по нему тоже хорошо гадается. «Вот же странное положение! — подумал он. — Я в земле магов и целителей, а не могу найти завалящего прорицателя». Может, поблизости есть оракул или, например, священная роща?

Тут до него донеслись голоса из соседней комнаты: один раб отчитывал другого.

— Сколько еще будешь копать? Скоро день закончится.

Сенека вскочил, окрыленный. Вот он, знак! Спасибо вам, бессмертные!

Капитону, как и Сенеке, кров предоставил Антипа, а потому искать его не пришлось. Он жил во дворце тетрарха, на первом этаже, в южном крыле. Из этого следовало, что Антипа ставил Капитона выше Сенеки, раз предоставил ему более почетное помещение. Оно и неудивительно: прокуратор — римский чиновник высокого ранга, а кто такой Сенека? Всего лишь племянник египетского префекта, даже не кровный.

Сенека заявился в покои прокуратора, очень смутно представляя себе, как будет вести разговор. Он не сомневался, что Капитон начнет отнекиваться и даже, наверное, делано возмущаться, яростно отрицая, будто держит у себя опасную книгу. А значит, надо сразу предложить ему хороший куш.

Повадки Капитона выдавали в нем низкорожденного: он встретил Сенеку преувеличенно вежливо, как простолюдины встречают благородного, а услышав о книге, тут же сделался высокомерно-холодным.

— Ты, видно, подшучиваешь надо мной, если говоришь такое, — процедил он, пронзительно глядя на Сенеку.

— Скажи мне цену, Капитон, — по-деловому отозвался гость, сразу пресекая дискуссию.

— Цену моей жизни? Думаешь, я не знаю, что за эту книгу полагаются смерть?

— Тогда зачем ты ее держишь?

— Видимо, мне придется просить тебя удалиться, уважаемый Луций.

Сенека не шелохнулся. Он сидел на стуле, положив сцепленные руки на колени, и смотрел на тощего лысеющего прокуратора, который начал было вставать, чтобы кликнуть рабов, да так и замер, полусогнувшись,

с нерешительно приоткрытым ртом. Потом Капитон медленно опустился обратно на стул и пожевал губами.

— Пожалуй, ты можешь мне помочь.

— Говори, — сухо ответил Сенека.

— Ты, вероятно, слышал, что я здесь по делу. Тетрарх хочет отменить одну сделку из-за недостойного поведения совершившего ее. Сам совершивший сбежал, но осталась его жена, которой он выписал дарственную. Женщины, как мы знаем, хитры и умеют наводить чары. Мне бы не хотелось пасть жертвой ее заклятий. Тетрарх, я думаю, найдет способ признать дарственную недействительной и вернет все участки под мое управление. Я же составлю договор, в который впишу тебя — как временного пользователя этих угодий. Если ты согласен на это, то получишь книгу.

Сенека оценил изворотливость прокуратора. Значит, если Иоанна вздумает наслать на него порчу за отнятое имущество, ее проклятья падут на Сенеку. Ловко!

— А весь доход пойдет тебе? — спросил он.

— Это так, — тонко улыбнулся Капитон.

— А если я предъявлю права на эти земли?

— Тогда мне придется рассказать, при каких обстоятельствах ты их получил.

— Тебя лишат имущества и сошлют на Гиару за такие проделки.

— А тебя принудят броситься на меч.

Это правда.

Сенека задумался. Стоит ли книга такого риска? Женщины — мастирицы по части волшебства, а иудейки — лучшие среди них. Но чего ему бояться? Ведь он знаком с египетской магией. Пусть он насмехался над ней в Кесарии, чтобы отбить у жены наместника охоту получить книгу, но против халдейской ворожбы приемы египтян вполне могут работать. И потом, вряд ли Иоанна сумеет навредить ему, если ни разу его не увидит.

— А эта женщина сейчас в Тибериаде? — спросил Сенека.

— Иоанна? В Иерусалиме. Ябедничает первосвященнику на тетрарха.

Уже хорошо. Но все же надо подумать.

— Я дам ответ завтра, — сказал Сенека, поднимаясь.

— Надеюсь, ты не забыл, что завтра — суббота, Луций, — ответил

Капитон, тоже вставая.

— И что с того? — рассеянно спросил Сенека.

— Наш договор должен утвердить Антипа. А в субботу евреи ничего не делают.

— Ах да, я запамятовал о знаменитой еврейской лени. Ну что ж, утвердит его на следующий день.

— На следующий день он отправляется в Иерусалим.

Сенека, собиравшийся уже уходить, остановился и чуть не плюнул с досады. Получается, он должен дать ответ сейчас.

— Надеюсь, Антипа не узнает, на каких условиях ты перепишешь на меня владения этой иудейки? — задумчиво произнес он.

— О нет! Об этом не тревожься, — усмехнулся прокуратор.

Сенека завел руки за спину и походил туда-сюда, все еще взвешивая за и против.

— А ты что же, тоже ценишь редкие книги? — спросил он.

— Ценю то, что приносит прибыль. Так каков твой ответ, Луций?

— Ты будто знал, что я явлюсь за этим свитком, — криво усмехнулся Сенека.

Капитон не ответил. Сенека вздохнул.

— Что ж, пусть будет так.

— Превосходно. Тогда идем к тетрарху.

Антипа принял их тотчас же, едва узнал, по какому поводу они явились.

— Значит, с участками Хузы в Явне уладили дело, — сказал он, потирая руки. — Сам Господь привел тебя к нам, Луций.

Они вновь находились на той самой террасе, где Сенека утром разговаривал о долге Агриппы.

— Ты уже придумал основание, на котором заберешь эти угодья? — спросил Капитон.

— Нет ничего проще, — ответил тетрарх. — Явне принадлежит Тиберию и вдобавок находится на территории провинции. Значит, там действуют римские законы. А по этим законам любые сделки между супругами запрещены. Значит, дарственная Хузы недействительна.

Капитон засмеялся.

— Ты сделал бы карьеру в Риме!

Антипа позвал писца, и они быстро состряпали договор о передаче Сенеке во временное пользование участков, принадлежавших Хузе. Потом Антипа на правах судьи своей тетрархии продиктовал постановление об отмене дарственной бывшего управляющего.

— Осталось получить от Пилата указ о лишении Хузы владений в Явне за бегство к врагу, — сказал он Капитону. — Но это уже твоя задача.

На следующий день Сенека и Капитон в прокураторской повозке выехали в Ямнию. Сенека был счастлив. Чуть не облизываясь от предвкушения, он делился своей радостью с Капитоном.

— Кто бы мог подумать, что в этой жалкой стране я получу в свои руки величайшее сокровище нашей державы! Скорее всего, прокуратор, у тебя остался последний экземпляр этого сочинения. Все другие давно уничтожены. Ты читал его?

— Читал. Последний мим в сирийском кабаке не высмеивает так местных забудыг, как там высмеивается Цезарь Август. Это мерзкая книжонка, и я бы давно сжег ее, если б не рассчитывал со временем выгодно продать.

— Там стоит имя автора?

- Разумеется, нет. Кто же подпишет себе смертный приговор?
- О да, дураков нет, — усмехнулся Сенека.
- А ты знаешь, кто ее написал?
- Неужели ты не догадываешься?
- Мм, Кассий Север? Или сам Бафилл?⁴⁷
- Да Тиберий же!

Опять в Кесарии Палестинской

Полночи Мессалам допрашивал в подвале иудея. Палач, взятый из легионеров, был не очень изобретателен — умел лишь стегать бичом да прижигать каленым железом. Впрочем, при наличии соли этого обычно хватало. Но не сейчас. Иудей наотрез отказался признавать, что участвовал в ограблении римского гостя.

— Скоро будет Божий суд, за все тебе воздастся, подлый самаритянин, — шипел он по-арамейски, прикованный запястьями и лодыжками к стене.

Писец-грек беспомощно хлопал глазами, не понимая его слов.

— Говори по-гречески, мерзавец, — спокойно произнес Мессалам, сидевший за одним столиком с писцом. — Ты — кинжальщик, не отпирайся. Давно видел Элеазара?

В свете факелов взмокшее лицо надзирателя отливало медью.

— Я был кинжальщиком, — признался еврей, на этот раз по-гречески. — Илия открыл мне глаза. Грядет суд и великое освобождение. Сильные падут, а последние станут первыми.

— Кто этот Илия? Ваш новый вожак?

— Пророк, сошедший с небес. Он вернулся, а значит, уже грядет Господь-Мессия. Час расплаты близок.

— Ты, верно, про того несчастного, которого казнил Антипа в прошлом году. Только его звали как-то иначе. Ты ессей?

Иисус отрицательно покачал головой. Он был так измучен, что даже не мог поднять голову.

— Почему ты назвался «сыном отца»? Решил посмеяться над наместником?

Еврей усмехнулся и сплюнул себе под ноги. Кровавая слюна повисла на губе.

— Наместник представляет здесь особу правителя, — назидательно продолжал Мессалам. — Его оскорбление — это оскорбление величия. Тебя умертвят на кресте, как раба или преступника. И даже могилы твоей не останется.

— Мне она не нужна. На Страшном суде мертвые воскреснут.

— Неужто все?

— Все, — прохрипел иудей.

⁴⁷ Бафилл — вольноотпущенник Мецената, мастер шутилой пантомимы. Один из популярнейших актеров времен Октавиана Августа.

— А дальше что будет?

— Господь-Царь отделит агнцев от козлиц и воссядет на престоле в Иерусалиме, дабы править вечно, — произнес кинжальщик по-арамейски.

Мессалам почесал ухо.

— В доме, где ты сейчас пребываешь, есть изображения людей, а еще едят свинину. Как ты думаешь, куда отправит тебя Бог на Страшном суде?

Иисус смолчал, и Мессалам понял, что задел его за живое.

— Видишь, ты уже согрешил. Если скажешь правду, сможешь очиститься перед смертью. Итак, ты напал на римского гражданина, потому что тебе приказал Элезар или потому что хотел его ограбить?

— Я не нападаю на римлянина.

— Значит, пойдешь на распятие как обычный грабитель и без очищения.

— Я не грабитель, ты, подлый самаритянский выродок!

— Значит, тебя послал Элезар? — спокойно продолжал Мессалам. — Мы уважаем таких врагов, как ты. Тебя распнут как бунтовщика против римлян.

— Я не бунтовщик! — почти выкрикнул еврей.

— А кто только что говорил про Божий суд? Разве тебе неизвестно, что нет высшего суда, чем суд императора? Ты — бунтовщик, признайся. Ты ненавидишь римлян. Разве нет?

— Я ненавижу римлян, — подтвердил иудей.

— Ну вот, уже лучше. Итак, ты был кинжальщиком и хотел восстановить Израиль, верно?

— Я хотел восстановить Израиль, чтобы в нем правил Бог, а не цари.

— Прекрасно. То есть ты подтверждаешь, что тебе не нравится власть земных правителей. Так?

— Да! Нет иного правителя, кроме Господа!

— Ну, если ты уже признался в таком большом преступлении, как бунт против Рима, тебе нетрудно будет признаться в столь малом проступке, как нападение на римского гражданина.

— Я не нападаю на римлянина!

Мессалам вздохнул.

— Аввай, всыпь-ка ему, — велел он палачу.

Тот поднял бич и хлестанул прикованного поперек груди, распоров ему кожу железными шипами. Еврей завопил и часто-часто задышал, приходя в себя.

— Ну что, дать тебе еще или признаешься? — спросил Мессалам.

Иудей смотрел на него диким взглядом.

— Если продолжишь отпираться, мы будем брать всех евреев подряд и допрашивать их, как тебя. С особенным пристрастием поговорим с ессеями, которые тебя приютили. Зачем они дали тебе убежище? Ты ведь кинжальщик, а они — святые люди, не приемлющие насилия. Ты же

не хочешь навлечь беду на свой народ? — Мессалам помолчал, давая измученному иудею осмыслить его слова. — Тебя изгнали твои же соплеменники. Разве это справедливо? Ведь ты не делал ничего плохого. Ты пришел к ним с открытым сердцем, а они изгнали тебя. А теперь они страдают из-за твоего упрямства. И кого станут в этом винить? Тебя. Скажут: «Вот они каковы, люди пророка Илии. Из-за них все несчастья. Правильно мы его изгнали». Тебя все возненавидят — и кто изгнал, и кто дал приют. Неужели ты этого добивался?

— Господь все видит, — прохрипел Иисус.

— И Он увидит, как из-за тебя обрушились гонения на евреев. Ты уже осквернился. Возьмешь на душу еще один грех?

Иудей с трудом поднял на него глаза.

— Проклятый самаритянин.

— Признаешься, что ограбил римлянина — умрешь как защитник своего народа, хоть на кресте, но овеванный славой. Продолжишь отрицать — сдохнешь как презренный убийца, нечистый перед Богом, вдовавок погубишь других. Что выбираешь?

— Господь, запретивший лгать, не велит мне брать на себя чужие грехи, — помедлив, выдохнул Иисус.

— Тогда продолжим, — не смутившись, сказал Мессалам.

Спустя полстражи в подвал заглянул Пилат. Он только что поуужинал, а потому был на удивление благостен. Истерзанной еврей к тому времени готов был признаться в чем угодно. К удовлетворению наместника, он честно поведал, как вместе с другими разбойниками явился в Кесарию смущать умы соплеменников и как замыслил ограбить гостя из Египта, чтобы все увидели его бесстрашие. Теперь его товарищи были далеко — кто в Бет-Хороне, кто в пустыне, — а он решил остаться и продолжить свое дело.

— Уж лучше бы ты ограбил меня, — сокрушенно заметил Пилат. И, увидев изумленное лицо надзирателя, пояснил: — Так никто бы не узнал, что у нас под боком бесчинствуют налетчики. А теперь об этом будет болтать вся страна.

С утра перед дворцом наместника собралась толпа. Пилат, увидев это, сморщился, будто у него болел зуб. Однажды такое уже было. В самом начале, когда он только прибыл сюда и не знал толком местных обычаев. Ему тогда пришлось в голову вывесить в Иерусалиме щиты с посвятельными надписями Тиберию. Немедленно в Кесарию понабежало множество иудеев, умолявших убрать эти несчастные щиты. Пилат согнал просителей на стадион и пригрозил всех перерезать, если не уймутся. Но евреи оказались упрямы и выразили готовность умереть, лишь бы не видеть щитов. Наместник был так поражен, что уступил им. Выходит, зря. Ну что ж, настало время показать силу.

Перед тем как разогнать сборище, Пилат все же решил осведомиться, чего они хотят. Он вышел на высокое мраморное крыльцо и спросил, глядя на толпу сверху вниз:

— Чего вам надо?

От него не укрылось, что толпа состояла из одного сброда. Прилично одетых в ней было раз-два и обчелся. И совсем не было святош в полосатых покрывалах, что бродили по городу с закаченными глазами и бормотали молитвы. Обычно именно они выступали заводилами еврейских волнений. А сейчас ни одного из них Пилат не увидел. Любопытно.

Вперед выступил могучий еврей с редкой бороденкой, поклонился и прогудел по-гречески, с сильным акцентом:

— Мы просим, господин, освободить Иисуса. Он не сделал ничего плохого.

Пилат прищурился.

— Он был среди ограбивших моего гостя. Тому есть улики, и есть его признание.

— Господин, его оговорили. Он — добрый человек.

— Добрые люди не ходят с кинжалами.

Еврей растерянно обернулся, словно ища ответ на невысказанный вопрос, затем сказал Пилату:

— Про кинжал мы ничего не знаем. Он пришел к нам как посланец Или и без оружия.

— Он ограбил моего гостя и будет за это наказан. — Пилат нахмурился, вспомнив слова Мессалама. — Вы же сами изгнали его. Так чего теперь явились просить за этого разбойника?

Еврей открыл было рот для ответа, но его опередил другой, выкрикнувший из толпы:

— Его изгнали книжники и торгаши, господин!

Толпа зашумела, соглашаясь.

— Это кто там орет? — рявкнул Пилат, потеряв терпение. — А ну, пошли отсюда вон! Вон, вон, убирайтесь к воронам!

Евреи начали неохотно расходиться. Пилат направился обратно во дворец, поманив за собой Мессалама, который стоял поодаль с десятком воинов-сирийцев, готовый броситься на защиту наместника.

— До Песаха распинать не будем. Сегодня вечером, перед ужином, приведи ко мне знатнейших иудеев. Хочу с ними потолковать.

— Сделаю, господин, — кивнул Мессалам.

У него были красные глаза — сказала бессонная ночь.

С иудеями Пилат встретился в портике претория, где не было статуй и фресок с изображениями богов и зверей. Началась предпраздничная декада, и евреи блюди себя. Наместника это ужасно раздражало — мало того, что ради этих варваров ему приходилось покидать дворец, так

он еще и не мог ставить статуи Тиберия и Сеяна где вздумается. Что это, как не оскорбление величия?

— Вы, конечно, знаете, что сегодня утром я имел разговор с вашими соплеменниками, — обратился он по-гречески к стоящим перед ним бородатым иудеям в разноцветных накидках с красной бахромой. Сам Пилат, одетый в пурпурную тунику, сидел на курульном кресле, опершись локтем о стоящий рядом деревянный стол. Было ужасно жарко, со стороны порта несло рыбой. — Они просили освободить того разбойника, который участвовал в ограблении моего гостя. Знайте: еще один такой визит, и прольется кровь.

— Господин, — ответил с глубоким поклоном один из евреев, — мы глубоко сожалеем, что тебя побеспокоили эти низкие люди. Они — лентяи и невежды, очарованные смутьяном. Мы признательны тебе, что ты проявил терпение и не велел их разогнать. В знак благодарности мы хотим преподнести тебе две тысячи динариев.

Он отступил, и вперед вышел другой иудей, пониже и поскромнее одетый, с туго набитым мешочком в руке. Поклонившись, он передал его наместнику. Пилат повеселел. Две тысячи динариев — годовой заработок префекта сирийской когорты, охранявшей порядок в Кесарии. Неплохо.

— Мессалам говорит, что он из кинжальщиков, — продолжил наместник, подобрев. — Если так, почему вы не выдали его мне?

— Мы не знаем, кинжальщик ли он, — объяснил первый еврей. — Этот человек явился от Иоанна, мага, которого казнил Антипа. Он ничего не сделал против римлян.

— Как же ничего, если ограбил моего гостя?

— Нам это было неизвестно, господин, и мы посыпаем головы пеплом, — скорбно произнес еврей.

Пилат задумчиво посмотрел в сторону, соображая, к чему еще можно придаться.

— Все равно вы должны были его выдать, раз маг, от которого он явился, был преступником.

— Он был преступником в глазах Антипы, но не в наших и не в глазах первосвященника, — возразил еврей. — Он ничего не говорил против Рима.

— Антипа — друг римского народа, — возвысил голос наместник. — Его враги — враги Тиберия.

Евреи обеспокоенно переглянулись.

— И потом, вы же сами его изгнали, — напомнил Пилат. — За что?

— Он пророчил конец света и всеобщее равенство в грядущем мире.

Толпа податлива на такие слова.

— И вы будете говорить, что он не выступал против Рима? — грозно спросил Пилат.

Евреи заволновались пуще прежнего.

— Прости нам наше неразумие, господин, — кротко попросил кто-то из них.

— Вы знаете, что в городе вас не любят, — сказал Пилат. — Если бы не я, вас бы давно растерзали. Вы можете искупить свою вину, если дадите денег на акведук, который я хочу провести в Иерусалиме. Мои воины страдают без свежей воды. Соберите сто тысяч динариев и передайте моему казначею.

Евреи ахнули.

— Господин, сейчас субботний год... — залепетал он.

— Что-что?

— Да-да, мы соберем деньги, господин, — тут же сникли иудеи.

— И не заставляйте меня ждать. Когда вернусь из Иерусалима, чтобы вся сумма была собрана. — Он обвел их взглядом, убеждаясь, что вогнал всех в трепет, и добавил: — Тогда же я распну и вашего разбойника.

— Это воистину мудро!

Все было хорошо в доме у Симеона, кроме неистребимой вони дубленых кож. И хоть сушильни стояли далеко от жилища, запах доносился и сюда. Понятно, отчего мастерам этого дела предписывали селиться только за городом.

Тумелик любил бывать у самаритянского мудреца. Было это всего дважды, и оттого вызывало особенно сильные чувства. В первый раз Симеон открыл Тумелику его судьбу, во второй — передал послание для Прокулы. Что было в этом послании, Тумелик не знал, но с тех пор жена Пилата перестала цепляться к нему с двусмысленными намеками. И вот теперь Тумелик, сопровождаемый Мессаламом, в третий раз пришел к учителю праведности.

Мессалам говорил, что Симеону открыты тайны бытия, неведомые даже сивиллам и пифиям, а еще он умеет изгонять бесов и знает будущее. И точно: едва кожевенник увидел Тумелика, сразу напроорочил ему великую судьбу. Тумелик был восхищен.

— Тебе предстоит потрясти государство, как это делал твой отец, — сказал ему Симеон при первой встрече. — Но берегись прислужников тьмы.

Это означало, что Тумелик должен хранить в тайне то, что услышит здесь. Если проговорится, чары рассеются и рок больше не будет вести его за собой. «Сокровенное знание сильно, пока известно избранным, — говорил Симеон. — Духи зла не должны увидеть тебя». И Тумелик молчал, хотя о его вылазках в самаритянскую деревню знали многие. Пилат ими не интересовался, а Прокула сама была очарована речами мудреца. Друзья-греки, с которыми Тумелик ходил на стадион, охотился на перепелок и задирали нищих, не уставали потешаться над его дружбой с лохматым варваром, но не проявляли любопытства к его учению. Все их мысли занимали скачки и выступления мимов.

В этот раз Симеон был не один. За столом, куда он пригласил Тумелика и Мессалама, уже сидели пять человек разного возраста. Угощение было привычно скромным: хлеб, сыр, фиги, козье молоко. Гарума самаритяне не знали, а оливкового масла кожевенник не признавал.

— Книга, которую ты доставил мне, Мессалам, оказалась очень полезна, — начал Симеон по-гречески, усаживаясь с торца и переходя сразу к делу, без полагающейся в таком случае молитвы. — Но это не снимает с тебя грех пособничества в убийстве! Не твоя рука направляла стрелу, поразившую того несчастного, но ты набирал людей, чтобы завладеть свитком римлянина, и ты несешь за них ответственность. Постись и кайся, как делаю я, — да не умножится зло! Его и так без меры. — Он прикрыл глаза, неслышно что-то прошептав, и провозгласил: — «Дух — небесам, тело — земле». Так сказано в книге египетской мудрости. И еще: «Небеса владеют духом, а земля — твоим телом». Великие слова! Египтяне давно постигли то, о чем греки лишь догадываются, а евреи не знают вовсе: Тот, Кого мы зовем Богом, — не верховное и не всемогущее существо.

Все ахнули, и лишь Тумелик остался невозмутим, потому что ничего не понял.

— Так ведь и греки это говорят, — заметил один из гостей.

— Прежде чем возражать мне, выслушай, — ответил Симеон. — Греки правы в том, что есть много богов, но есть и Один непонятый и неизвестный всем, и Он-то — Бог всех богов. О том же написано и в нашем законе, уже в самом начале. Вспомните: когда первый человек принял завет от Бога брать плоды с любого дерева в саду, но не с дерева познания добра и зла, змей посредством женщины убедил его нарушить это предписание, обещав, что люди станут богами. Он сказал: «Вы будете, как боги», ясно показав тем самым, что иные боги существуют. И когда Адам и Ева вкусили запретный плод, Бог сказал: «Вот, Адам стал как один из Нас». Еще сказано в законе: «Богов не злословь и начальника в народе твоём не поноси», что тоже указывает на многих богов, которых Один верховный даже не хочет проклинать. А сколько раз в Писании говорится: «Покушался такой-то бог пойти, взять себе народ из среды иного народа казнями, знамениями, чудесами и войною и великими ужасами, как сделал для вас Господь, Бог ваш». Если бы других богов не существовало, стал бы Он говорить «покушался такой-то бог»? Или вот: «Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнут с земли и из-под небес». И в другом месте: «Пойдем и будем служить богам иным, которых не знал ты и отцы твои». А еще: «Господь, Бог ваш, есть Бог богов». И кроме этого: «Кто, как Ты, Господи, между богами?» И еще: «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд». И наконец: «Имени других богов не упоминайте; да не слышится оно из уст твоих».

Повисла напряженная тишина. Все неотрывно смотрели на Симеона, ожидая продолжения.

— Далее: Творец всего сущего, хоть, быть может, и сильнее прочих богов, отнюдь не всемогущ и не всеведущ. И это тоже было видно

с самого начала, ведь человек, которого Он создал, оказался не способен оставаться таким, каким Он хотел его видеть. Ведь Он позволил первочеловеку есть со всех деревьев рая, кроме древа познания. Не странно ли это? Адам, будучи сотворен по Его подобию, оставался слепым и не владеющим знанием добра и зла, и изведен из рая, и наказан смертью.

— Адам не был слеп! — пылко возразил самый молодой из самаритян. — Нигде в законе не написано, что он был незрячим.

— Его ум был слеп. Обладай он предвидением, он бы знал, что змей обманет его жену. Но он не знал, потому что и Сотворивший его не знал об этом. Творец зрит не во всех местах и не знает будущего. Он несовершенен, недобр, подвластен многим и бесчисленным печальным страстям. Сами убедитесь в этом. Вот что Он говорит об Адаме: «Как бы не простер он руки своей, и не взял также от древа жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно». В самих этих словах — «как бы» — Он проявляет свое неведение, да еще и зависть. А вот что Он говорит перед тем, как ниспровергнуть Содом: «Сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю». А что сказано дальше? «И раскаялся Господь, что создал человека». То есть творение поступило не согласно ожиданиям Творца. Где же тут всеведение? А вот еще признак Его страстей: «И обонял Господь приятное благоухание». Стало быть, Он получает удовольствие от плотского жира, а значит, подвержен желаниям. Он же и искушитель, поскольку написано: «Бог искушал Авраама». И Он не благ, потому что запретил Адаму познавать, что есть зло и добро, тем самым лишил его возможности избегать зла. Когда же Адам и Ева нарушили заповедь и открыли, что есть добро, и научились прикрывать свою наготу, ибо ощущали себя неприглядными перед Творцом, Бог приговорил их к смерти, хотя лишь тогда они постигли, как можно оказывать почесть Богу. Мало того, он еще и проклял змея, показавшего им эти вещи. Но если человеку угрожала такая опасность от древа познания, зачем Бог поместил это дерево в рай? И разве это благо — удерживать другого от постижения добра?

— Если Бог лукав, как ты говоришь, то как Он допустил, что все эти улики против Него попали в Писание? — спросил самаритянин постарше, глядя бороду.

— Может быть, обвинение против Него написано другой силой, над которой Он не властен.

— Какой же?

— Высшей. Если Творец несовершенен, значит, есть другой, Тот, кто совершенен, другой Бог, более прекрасный и более всесильный, чем все. Не является ли тогда Творец мира простой относительностью? Он вреден, как вода вредна огню, но полезна для иссохшей почвы; как железо — благо для земледелия, но вредно при убийствах; и похоть не зла в отношении брака, но дурна в отношении измен; как убийство — зло, но благо для самого убийцы, который благодаря нему достигает своей цели; и обман — зло, но приятен тому, кто обманывает; и прочие вещи подобного

рода и благи, и дурны в сходной манере. Таким образом, ничто не зло и не благо; одно производит другое. Не обстоит ли дело так, что нет ничего дурного или благого по природе, но разница возникает через закон и обычай? Ибо разве нет такого обычая у персов — жениться на их собственных матерях, сестрах и дочерях, тогда как брак с другими женщинами воспрещен как варварский? Отсюда, если не установлено, что вещи злы, невозможно для всех ожидать суда Божьего.

— Так что же, нет надежды на спасение? — воскликнул молодой самаритянин.

— Есть, но придет оно не через суд, а через знание. Кого судить и за что, если само добро относительно в мире, созданном несовершенным Богом? Этот Бог был послан более прекрасным Существом сотворить плоть, и сделал это. А затем выдал себя за единственного Бога и потребовал поклонения Себе. Он скрыл, что спасение дарует Высший от него, благой Бог, и спасение это дается через признание этого Бога. Очень сложно человеку познать Его, пока человек заключен в плоть; ибо чернее, чем вся тьма, и тяжелее, чем вся глина, — наше тело, в котором пленницей томится душа. Лишь наши души сотворены благим Богом и потому могут к Нему вернуться.

— И зачем же так усложнять спасение? — усомнился пожилой самаритянин. — Нашего Бога мы знаем, а кто этот благой? Не потеряем ли мы Бога вообще, если отвернемся от нынешнего?

— Разве это опасно — подниматься к Тому, чья слава богаче? Если души — от Него и не знают Его, а Он — их Отец, протяни свое чувство на небо, даже выше неба, и смотри, где-то там должно быть место за пределом мира или вне мира, где нет ни неба, ни земли и где ни одна тень этих вещей не производит тьмы; и следовательно, раз нет тел, нет и тьмы, выдуманной телами, а есть один лишь неизмеримый свет, настолько великолепный, что свет солнца показался бы тьмой рядом с ним. Спросите, отчего никто об этом не знает? Потому что высший Бог, будучи праведным, желает посылать откровение только достойным. А те, кто ждет помощи и оракула от низшего Бога, видят лишь обман. Даже во снах им не открывается правда, ибо безбожный человек не видит истинного сна. Мне кажется невозможным, чтобы безбожный человек получал сны от Бога в каком-либо виде вообще. Но избранные, постигшие тайное знание, становятся ближе к главному Богу и тем выше всех прочих людей. Они облакаются правом не следовать человеческим обычаям и законам, если того требует поклонение верховному Богу. Их уделом должна стать любовь, это отражение Божества, которым следует делиться с ближними. Для них нет различия между римлянами и самаритянами, иудеями и сирийцами, и даже между мужчинами и женщинами. Перед высшим Существом все равны — и люди, и народы. А их призвание — открывать людям правду посредством любви. Вся земля отныне одинакова, и не важно, где муж сеет. Главное — чтобы сеял. — Симеон обратил взор на Тумелика. — Тебя, Тумелик, высший Бог выделил особо. Ты — первый из римлян

среди моих учеников. Но единственный ли, кто познал сокровенное? Вместе с книгой египетской магии мне в руки попали записки того римлянина, что гостил у Пилата. И о чудо! Там я нашел такие мысли, которые могут свидетельствовать, что и этому человеку открыта правда. Возьми их и почитай. И когда этот римлянин вернется в Кесарию, постарайся узнать у него, постиг ли он высшего Творца. А лучше приведи его ко мне. Прокула поможет тебе в этом. — Симеон перевел взгляд на Мессалама. — Пилат скоро отправится в Иерусалим. Это удобная возможность для меня встретиться с Прокулой. Хочу поведать ей то, что уже рассказал вам. Ты понял меня, надзиратель?

— Я понял тебя, учитель.

Пилат действительно через два дня отбыл в Иерусалим, как делал всегда во время Песаха. Но в этот раз он неожиданно прихватил с собой и Тумелика — мальчишке скоро предстояло надеть взрослую тогу, и названный отец хотел научить его, как поддерживать порядок в скопище возбужденных варваров. В те же дни в Иерусалиме оказался и Сенека.

В Иерусалиме

В четвертом часу дня, надышавшись не в меру приторного фимиама, воскуряемого при жертве всеожжения, учитель Гамалиил покинул Храм и, окруженный воспитанниками, направился в Дом учености. Подростки, все как один с длинными косичками на висках, громко балагурили и шутливо пихали друг друга плечами, внося свою лепту в невообразимый гам и суету на улицах.

Самый старший из учеников, тарсянин⁴⁸ Саул, поравнялся с учителем и сказал ему по-арамейски:

— Коль скоро многие так недовольны священниками, господин, почему бы не поручить изготовление фимиама тем, кто умеет это делать лучше?

— Кому же?

— Любому, кто владеет этим искусством.

Гамалиил недоверчиво покосился на парня.

— Предлагаешь допустить к таинствам нелевитов?⁴⁹

— Если весь народ священен, как говорят фарисеи, то почему любой не может служить в Храме?

— Потому что Господь это запретил, — ответил учитель, удивленный невежеством собеседника.

— Господь определил левитам служить Ему, но не запретил другим делать это.

— Да ты ловкач! — добродушно засмеялся Гамалиил. — Не удивлюсь, если станешь членом совета.

Саул коротко обдумал эти слова и продолжил:

⁴⁸ Тарсянин — выходец из города Тарса.

⁴⁹ Левиты — священнослужители в древнем Израиле.

— Во Второзаконии сказано, что нужно собирать народ раз в семь лет для изучения Писания. Однако мы собираемся каждые семь дней. У патриархов было много жен, а нынче мы считаем это прелюбодеянием. Нам говорят, что избавление от плода — это детоубийство, но в Моисеевом законе ничего об этом нет. Утверждается, будто соитие без зачатия греховно, однако в законе нет и этого. Мы осуждаем истребление скота в чужой земле, предание этой земли огню, ограбление павших в битве воинов противника и сокрытие правды от друзей, но закон об этом молчит. А когда Александр Яннай во время праздника кущей пролил воду на землю, разве он преступил закон? Однако народ возмутился. — Саул глубоко вздохнул, как перед окунанием в воду, и закончил: — А разве не осуждали твоего деда, великого Гиллеля, учитель, когда он придумал способ сохранять долги в субботный год?

— Что ж, возможно, придет время, когда и к таинствам допустят всех, а не только левитов.

Навстречу им по другой стороне улицы шел человек в гиматии и длинной полосатой накидке на голове, с медными коробочками, привязанными ко лбу и запястьям. Он двигался как слепой, прикрыв глаза и выставив вперед руки, то и дело натываясь на какое-нибудь препятствие. Горожане нехотя уступали ему дорогу, а крестьяне, во множестве понаехавшие в Иерусалим на праздник, посмеивались и отпускали ехидные замечания.

— Или вот, — сказал Саул, показав на него. — Этот фарисей боится соблазниться женщинами, но мы-то не отворачиваем от них взор.

— Ибо крепки духом и не соблазняемся, — улыбнулся Гамалиил.

Саул криво усмехнулся. Не такого ответа он ждал от знаменитого Гамалиила, чья мудрость гремела от Палестины до Испании.

Возле Дома учености их прервали. К учителю робко приблизился невысокий кудрявый крепыш в выдавшей виды тунике и низким голосом осведомился, может ли он спросить его совета по одному важному делу.

— Сейчас у меня занятия. Разве что к двенадцатому часу, — ответил книжник.

— Я подожду, господин, — сказал крепыш. — Меня зовут Иуда.

— В Иудее носить имя Иуда — все равно что не носить никакого, — ухмыльнулся Гамалиил. — Ты можешь посидеть на занятии, если желаешь.

— О господин, я и не мечтал о такой чести! — воскликнул проситель.

Раздача советов давно превратилась для Гамалиила в такую же рутину, как занятия с учениками. Если бы он брал за это деньги, то был бы богат как Крез. А если бы ему еще платили за каждого ученика... Хорошо все же иметь медную мастерскую и доходный дом! Особенно в Иерусалиме, где тебя все уважают. В Галилее не так: за три года, что Гамалиил прожил там, к нему никто и не подумал обратиться за разъяснением закона. Грязекопатели, что с них взять! Народ земли...

Учителем Гамалиил был удивительным. Вместо того чтобы уныло цитировать Тору, а потом нудно разъяснять значение каждого слова, он

обращался к ученикам: как они понимают сказанное? От этого на его уроках стоял галдеж, но и любили его как никого другого.

Сегодня перед дневной жертвой обсуждали заповедь из Левита: «Не мсти и не имей злобы на сынов народа твоего, но люби ближнего твоего как самого себя». Гамалиил спрашивал, как при этом понимать предписание из той же главы возлюбить пришельцев в землю Израиля как самих себя — остается ли в таком случае разница между евреем и иноверцем в смысле отношения к ним? В итоге пришли к выводу, что под пришельцем, несомненно, следует понимать обрезанного язычника, принявшего веру Моисея.

Вернувшись из Храма, Гамалиил хотел зачитать стих о приношении первин⁵⁰ (вопрос животрепещущий, учитывая субботный год), однако разговор с Саулом заставил его поменять намерения. Он начал с того, что спросил учеников, как они понимают Моисееву веру? Допустим, если некто отрицает посмертное искупление грехов и не ждет Мессию, можно ли его считать иудеем? Ученики понимающе заулыбались, смекнув, что наставник имеет в виду саддукеев. А если, продолжал Гамалиил, некто отказывает в повиновении земным властям, признавая власть одного лишь Бога, иудей ли он? Этот намек тоже был ученикам ясен — Гамалиил толковал о кинжальщиках. А если кто-то еще, говорил далее учитель, соблюдает одни предписания закона и не соблюдает других (к примеру, не платит храмовый налог), остается ли он евреем? Тут уже ученики затруднились в понимании, и тогда Гамалиил уточнил: многие землекопы, особенно в Галилее, не ходят в синагогу, нарекают детей греческими именами, смешивают мясное с молочным, но блюдают субботу и делают взносы в Храм. Кем же их считать?

— Самаритянами! — шутливо бросил Саул, и остальные засмеялись.

— Самаритяне не собирают деньги на Храм, — возразил Гамалиил.

Это была правда. Разгорелся спор. Посыпались цитаты. Всплыл вопрос о вмешательстве Божиим в дела человеческие, заговорили о Торе и отеческом предании, о кознях бесов и свободе воли. Вспомнили о воскресении мертвых и обсудили, каков будет мир после Страшного суда.

— А чьей женой станет вдова после воцарения Божьего — мужа или его братьев? — подкинул Гамалиил полешек в костер, имея в виду закон, повелевший заботиться о вдовах.

— Тогда не будет ни мужей, ни жен, а люди станут подобны ангелам, — подал голос Иуда, сидевший позади всех.

Ученики изумленно оглянулись. Даже наставник остолбенел, услышав такой довод. Иуда же покраснел и пробормотал:

— Прошу простить меня, господин.

— Нет-нет, очень любопытное рассуждение, — подбодрил его Гамалиил. — Вполне согласное с воззрениями ученейших мужей. Ибо мир после пришествия Мессии станет настолько иным, что не в наших силах

⁵⁰ *Первины* — первые плоды урожая; также обряд посвящения их Богу.

его постичь и описать. Люди как ангелы — весьма необычный взгляд, да. Почему бы и нет?

Когда урок закончился, ученики, гомоня, повалили к выходу, а Иуда почтительнейше приблизился к Гамалиилу.

— Благодарю тебя, господин, что позволил присутствовать сегодня на твоём уроке. Это была великая честь, о которой я буду помнить до последних дней. Теперь я и сам многое передумал.

— Надеюсь, ты не передумал задавать мне свой вопрос, — добродушно откликнулся наставник, убирая лежавший перед ним свиток в деревянный ларец, окрашенный лазурью. — Если он не касается оскорбления величия, мы можем обсудить его по пути домой.

Иуда озадаченно посмотрел на него, и Гамалиил согнал улыбку с лица.

— У тебя же не государственное дело, верно?

— Вот уж не знаю, — помедлив, ответил тот.

Гамалиил вскинул брови.

— Ну что ж, тогда давай останемся здесь.

Он поставил ларец в нишу под шестиконечной золотой звездой и задернул багровую шелковую завесу.

— Пойдем к воде, — сказал Гамалиил. — Там посвежее и нас не беспокоят.

Они вышли во внутренний дворик и уселись на мраморный край бассейна для омовений, в тени от западной стены. Здесь и правда было чуть прохладнее, а шум с улицы позволял надеяться, что их не подслушают.

— О чем же ты хотел спросить меня, Иуда?

— Господин, я хотел узнать, достойно ли обвинить того, в кого раньше верил и в ком потом разочаровался?

— Если он совершил преступление, это, без сомнения, будет достойным поступком.

— А если преступления еще нет, но оно может совершиться, приведя ко многим бедам?

Гамалиил подумал.

— Ты опасаясь, что кто-то может вызвать волнения в праздник, как бывало в прошлом? Или тревожишься, что кому-то могут причинить вред? Если первое, тебе следует уведомить первосвященника. Если второе — обратиться к надзирателю за преступниками. Но ты, очевидно, имеешь в виду что-то другое, ибо в ином случае не пришел бы ко мне за советом.

— Да, господин, — хрипло ответил Иуда. — Я говорю о богохульстве. Мне казалось, будто я понимаю, что это такое. Но теперь, посидев на твоём уроке, уже не уверен в этом. Мне было невдомек, что книжники так по-разному толкуют дела веры, и теперь я сомневаюсь, не зря ли явился сюда.

— Дела о богохульстве рассматривает малый совет. Но ты сказал, что преступление еще не совершено. Объясни.

Иуда понурился.

— Может быть, совершенно, а может быть, и нет. Я не знаю. Я пришел в Иерусалим с назаретянином Иисусом, который проповедовал в Галилее учение Иоанна. Он излечил многих одержимых, к нему стекался народ, и я уверовал, что он — великий целитель и праведник. Но сейчас мне кажется, это был обман.

— Покойный Иоанн сбил с толку многих. Теперь по земле Израиля бродит много его приверженцев, которые смущают умы. Что до меня, я никогда не считал Иоанна посланцем Божиим. Вдохновенно вещать — не значит быть пророком. Того же мнения держусь и о его последователях. Поэтому твои сомнения законны. Однако что там с богохульством?

Иуде явно не понравились его слова об Иоанне, но возражать он не стал. Подумав, он заговорил быстро-быстро, словно боялся утратить нить:

— Иисус твердит странные вещи, господин, а ведет себя и того страннее. Иоанн призывал к чистоте, а этот, гордясь знакомством с пророком, водится с подонками и пирует на свадьбах. Видел бы ты, что за люди его окружают — сборщики налогов, шлюхи... О двоих идет молва, будто они убийцы. Он называет себя сыном человеческим, а Бога — отцом. Я никогда не слышал таких слов и потому в смятении. Он сам словно обуянный бесами! Он оскорбляет фарисеев и хочет разрушить семьи. Он не женат, хотя ему уже за тридцать. Про детей его мне тоже ничего не известно. — Он закрыл лицо ладонями. — Родные предупреждали меня, чтобы я не связывался с галилеянами, но я не послушал. Я был словно во сне. Этот Иисус так складно говорит, хоть и не обучен грамоте. На все у него есть ответ. Он называл нас избранными и предрекал нам власть над коленами Израилевыми. Он говорил, что мы и есть Царство Божие. А теперь мне кажется, он — сатана или другой злобный дух, явившийся искушать нас. Вчера за трапезой он объявил нам, что хлеб — это его плоть, а вино — кровь: через них он дает нам жизнь. Что это, как не одержимость, господин? Трое учеников отошли от него. А я... я направился к тебе.

— Экое изуверство, — покачал головой учитель. — Галилеянин, одно слово... Твой рассказ свидетельствует о нем как о хитреце или о безумце. Но богохульство ли это? Не знаю. Мне надо потолковать с ним. Где вы остановились?

— В Вифании, господин. На склоне Масличной горы. Но Песах будем встречать в доме саламинки⁵¹ Марии, сестры левита Иосии, в Нижнем городе.

Гамалиил покивал, размышляя.

— Если тебя одолели сомнения, уйди от него, — сказал он Иуде. — Большого я не могу посоветовать, пока не услышу его.

— Я бы уже ушел, господин, но мне доверены деньги тех, кто следует за ним. А значит, чтобы уйти, я должен объявить об этом и передать

⁵¹ Саламинка — уроженка города Саламин на Кипре.

деньги другому. Но если я это сделаю, боюсь, он проклянет меня или околдует словами.

Гамалиил положил ему руку на плечо.

— В таком случае ты не сделаешь худого, если обратишься к первосвященнику. Тебе нечего бояться. Совет рассмотрит дело назаретянина и вынесет справедливый приговор. Я тоже расскажу достопочтенному Иосифу об этом Иисусе.

— О, благодарю тебя, господин. Я так и поступлю! — воскликнул Иуда.

Он вскочил и, поклонившись, был таков.

Начало темнеть. Гамалиил поднялся и пошел к выходу, недовольный собой. Он чувствовал, что мог бы сделать еще что-то для этого человека, но что? Ничего ему не приходило в голову. К тому же, он устал.

По прибытии в Иерусалим Пилат первым делом вызвал в царский дворец, где всегда останавливались наместники, Анну бен Сефа, бывшего первосвященника, самого влиятельного человека в городе. Когда тот явился, Пилат сообщил ему, что задумал осчастливить горожан акведуком, для чего ему нужны деньги. Взять их было неоткуда, кроме храмовой казны. Анне оставалось принять это к сведению и отсчитать требуемую сумму.

Между ними уже давно установилось душевное согласие: Пилат делал что хотел, пока не задевал еврейских обычаев, а Анна правил городом, в случае нужды обращаясь к наместнику за помощью. Сила римского оружия была достаточным доводом, чтобы смирить всех неприятелей Анны. Благодаря такому взаимопониманию семья Анны уже двадцать четыре года держала в руках бразды правления в Иерусалиме, из них четыре — при Пилате.

Разумеется, нравилось это не всем. Точнее, это никому не нравилось, кроме семьи Анны и левитов, кормившихся с ее ладоней. Во-первых, недовольны были другие знатные семьи, тоже имевшие виды на первосвященнический сан. Во-вторых, шумели фарисеи, возомнившие себя учителями народа и не боявшиеся спорить с самим Каиафой. Для них мало было Торы, они блюли неписанный закон и в запальчивости готовы были идти на костер или под топор палача. Темный люд уважал их, потому что эти демагоги морочили ему голову рассказами о грядущем Царствии Божием, в котором все будут равны и счастливы. Анна и его собратья-саддукеи твердо знали, что книга Даниила, с которой носились эти несчастные, — не более чем бредни воспаленного ума, и надежды на воскресение мертвых нет. Но зловредное учение, к негодованию достойных, захватывало всё новые души и грозило потрясениями. Поэтому с фарисеями надо было держать ухо востро. В-третьих, строили козни сыновья Ирода, владевшие Галилеей, Переей и Итуреей. Полуарабы-полусамаритяне, принявшие иудаизм лишь на словах, они вели жизнь греческих царьков и были

не прочь восстановить державу отца. От старшего из них, Архелая, удалось избавиться под предлогом его неопишуемой жестокости (как будто Ирод не был жесток!), но двое других оставались на своих местах, и хоть носили титулы тетрархов, были не прочь повысить свой статус, вернув себе Иерусалим и всю Иудею. А еще мучили воду кинжальщики, резавшие неудобных, о чем-то шептались ессеи, собиравшиеся на таинственные обряды, бродили по стране пророки, звавшие народ в пустыню, а самаритяне, хананеяне, ионийцы и ашкелонцы вообще мечтали перебить всех евреев — как тут без твердой римской руки? Неудивительно, что Анна с родичами лебезили перед наместниками: только те могли защитить их от завистников и злодеев. Но с римлянами тоже было непросто. Цезарь требовал налогов, и мытари драли три шкуры, не глядя на обстоятельства. Страну поразила засуха? Плевать. Арабы угнали половину скота? Тем хуже для владельцев стад. А когда наступал субботний год, становилось совсем невмоготу. Поля оставались необранными, и сразу оскудевал поток приношений в Храм — налоги-то никто не отменял, и евреи спешили накормить римского льва, справедливо полагая, что Господь один годик может и потерпеть. Анна нашел выход: в субботний год забирал в пользу Храма всю причитающуюся левитам десятину. До поры те лишь роптали, но в этот раз после праздника кущей⁵² вдруг отказались служить в Храме, требуя увеличить выплаты. Видно, настали последние дни, если даже избранные среди народа презрели Божью волю. Анна, однако, не растерялся и пригласил левитов из Египта. Все бы хорошо, но гости оказались неважной заменой: скверно готовили фимиам и посредственно пели. И вот, как назло, Пилату взбрело в голову строить акведук за счет храмовой казны. Как не прийти в отчаяние?

Едва не раздирая на себе одежды, Анна взялся было плакаться на бедность и темный люд, который не оценит такого счастья, но Пилату достаточно было недоуменно поднять бровь, и правитель Иерусалима скис. Тумелик, присутствовавший при разговоре, не сумел сдержать презрения (Симеон Гиттонец никогда бы не позволил так относиться к себе!). Анна заметил выражение лица мальчишки и едва сдержался, чтобы не пристыдить того. За что карал его Господь таким унижением? За то ли, что двадцать четыре года он защищал народ Израиля от алчности Иродианов, мести язычников и собственного неразумия? За то ли, что держал в узде фарисеев и кинжальщиков? И как теперь быть? Если люди узнают, что римляне возводят акведук за счет храмовых денег, начнется такое, в сравнении с чем бунт Иуды Галилеянина покажется мелкой стычкой.

Удрученный, вельможа вернулся домой, но не успел прийти в себя, как к нему нагрянула нежданная гостья — Иоанна, супруга беглого управителя имений Антипы. Он хорошо знал ее — женщина славилась своим благочестием (поистине ослепительный светоч в гнезде разврата, каким

⁵² Праздник кущей (шалашей), он же праздник собирания плодов, — один из важнейших иудейских праздников.

был двор тетрарха), а еще дружила с царицей Еленой, адиабенской⁵³ праведницей, переселившейся с берегов Тигра в Иерусалим. Среди постигших Анну невзгод такие люди служили ему утешением. Но сейчас сама Иоанна нуждалась в помощи: тетрарх норовил отнять земли, принадлежавшие ее мужу, и женщина просила защиты первосвященника. При других обстоятельствах Анна порадовался бы возможности поставить на место сына Ирода, который жил в кровосмесительном браке с женой своего брата и в ус не дул на возмущение народа, но сейчас ему было не до Антипы. Впрочем, выслушав Иоанну, он горячо посочувствовал ей и обещал поговорить с зятем. Разговор их был недолог, Иоанна покинула его дом в полной уверенности, что теперь-то ее никто не тронет. С тем она и направилась к Пилату, чтобы получить такие же заверения от него.

Тем временем к Пилату прибыли Сенека с Капитоном, уже сутки дожидавшиеся его в городе. Наместник был крайне удивлен, встретив египетского гостя в Иерусалиме, и скорбно сообщил, что поиск грабителей пока ничего не дал. Сенеку это почему-то не слишком огорчило. Он пребывал в странном возбуждении, увлеченно рассказывал о Тибериаде и с не меньшим восхищением говорил об Иерусалиме, который поразил его наличием цирка и театра — этих знаков высокой культуры, которую Рим прививает варварам. Пилату было мало дела до его восторгов. Куда больше его волновало, сколько он получит от сделки, задуманной Капитоном (в том, что Капитон уже заплатил Сенеке, наместник не сомневался).

Пока они обсуждали подробности, Тумелик в саду играл с воинами в кости. У кого выпадала «собака», тот ставил по денарию на кон, а у кого — «Венера», забирал деньги. Войдя в азарт, Тумелик не сразу заметил раба Сенеки, дожидавшегося хозяина в тени крытой колоннады. Удивленный встречей, он оставил игру, приблизился к невольнику и спросил его, не слуга ли он племянника египетского префекта? Тот кивнул, и сердце Тумелика заколотилось. Вот это да! Человек, с которым ему поручил встретиться Симеон, здесь, в Иерусалиме. Не бывает таких совпадений. Сам Бог послал его сюда. Тот Высший Бог, о котором говорил Гиттонец.

Тумелик расспросил раба: надолго ли приехал его хозяин? Где остановился? Один ли он прибыл? Тот отвечал неохотно, но, когда увидел монету, сверкнувшую в пальцах мальчишки, оживился и рассказал, что приехали вчера утром, поселились в большом доме знатного иудея по имени Иосиф рядом с каким-то дворцом и завтра собираются идти осматривать Храм. Отдав рабу монету, Тумелик вернулся к игре и уже в следующем коне взял десять денариев. Какой замечательный день!

Когда Сенека, наконец, вышел от Пилата, Тумелик рванул было за ним, но увидел Капитона и остановился в нерешительности. Этого еще не хватало! Что он тут делает?

⁵³ Адиабена — царство в Северной Месопотамии. Адиабенская царица Елена приняла иудаизм и переселилась в Иерусалим.

Мысли пронеслись в голове как стрелы. Раб говорил, что они поселились возле дворца. Дворца Хасмонеев? Один Геркулес ведаёт, что этот невежда мог принять за дворец. Может, поговорить с гостем прямо сейчас? А как же Капитон?

Отбросив сомнения, Тумелик кинулся вслед за египетским гостем.

— Рад видеть тебя здесь, господин, — крикнул он ему в спину полатыни.

Сенека и Капитон обернулись. На лицах обоих изобразилось недоумение.

— Я — Тумелик, господин, — сказал мальчишка Сенеке, приближаясь. — Ты видел меня в Кесарии.

— Да-да, сын Арминия. Я помню, — улыбнулся Сенека. Капитон тоже кивнул Тумелику, которого хорошо знал.

— Ты впервые в Иерусалиме, господин? Могу я быть чем-нибудь тебе полезен?

— Полезен? — удивился Сенека. — Даже не знаю...

— Если тебе что-то понадобится в этом городе, ты можешь сказать мне, а я передам наместнику. Если желаешь, я могу даже провести тебя в Храм. Там не привечают чужаков, но со мной ты будешь в безопасности.

— Прекрасно! — обрадовался Капитон. — Сами боги послали тебя к нам. Наш гость как раз хотел сходить завтра в Храм.

— В самом деле, — согласился Сенека. — Ну что же, я буду рад твоей компании, Тумелик.

Из разговора выяснилось, что они остановились у аримафейского старейшины Иосифа, с которым Капитон вел какие-то дела. Дом действительно находился возле дворца Хасмонеев, с южной стороны. Тумелик пообещал зайти за Сенекой в начале второй стражи, когда иудеи приносят утреннюю жертву. «Но идти придется пешком, господин, — предупредил он. — Лектики⁵⁴ здесь не используют». «Превосходно! — обрадовался гость. — Мне полезно двигаться».

К Пилату тем временем заявила Иоанна. Наместник не хотел ее принимать, но, поколебавшись, решил все же разобраться с неприятным делом сейчас, не откладывая его на завтра. Ему пришлось спуститься во двор, так как благочестивая иудейка побрезговала вступить под своды жилища идумеянина⁵⁵, обагрившего свои руки еврейской кровью. Там Пилат и сообщил ей тяжкую весть об отмене дарственной и о передаче земель Хузы в римскую казну. Иоанна подняла крик. Вот уж от кого она не ожидала подвоха, так это от Капитона, с которым Хуза никогда не ссорился. Плача, Иоанна перечислила все обиды, причиненные ей Антипой, напомнила о заслугах Хузы перед Римом и заклала Пилата одуматься. Но тот остался безучастен — он уже получил свою долю от сделки, и упрашивать его было бесполезно. Впав в исступление, Иоанна заявила, что наместник своим поступком оскорбил не только ее, но и семью первосвященника.

⁵⁴ Лектика — носилки с занавесями, паланкин.

⁵⁵ Идумеи — семитский этнос, из которого происходил Ирод Великий.

Это был весомый аргумент, и он на какой-то миг озадачил Пилата, но наместник быстро нашелся, сказав, что собственность цезаря Каиафы не касается. Женщина, стена, попробовала разжалобить его, но куда там! Тогда она пригрозила дойти до самого цезаря, но и это не смутило Пилата, который велел ей убраться.

Первой мыслью Иоанны после этого разговора было броситься к Капитону, но солнце уже садилось, и она вернулась во дворец адиабенской царицы, где всегда останавливалась в Иерусалиме, а оттуда отправила укоризненное письмо прокуратору. Пилат же пошел ужинать. По закону он был прав, а варварские обычаи его не заботили. Но на всякий случай, едва закончив трапезу, он отправил послание Анне, предостерегая его от вмешательства в имущественные дела Тиберия.

Сенека быстро пожалел, что решил осмотреть святилище во время жертвоприношения. Тумелик еще не успел довести гостя до ступеней, ведущих к базилике на Храмовой горе, а у Сенеки уже гудела голова от жары, человеческого гомона и испражнений согнанной сюда скотины. Вдобавок Тумелик сообщил ему, что внутрь Храма их все равно не пустят. Раздосадованный Сенека хотел было повернуть назад, но упрямство взяло верх.

Тумелика тоже одолевали сомнения. Он все подбирал момент, чтобы начать важный разговор, ради которого напросился сопровождать гостя, но никак не мог решиться. Раз за разом прокручивал он в голове первые слова, даже открывал рот, но тут же и закрывал, ужасно злясь на себя.

Изрядно помятые и уставшие, они наконец поднялись к базилике, битком набитой менялами и голубятниками, и начали прокладывать себе путь в просторный двор перед Храмом, тоже заполненный народом.

— Что тут происходит? — спросил ошарашенный Сенека, показав на менял.

— Дают тирские драхмы за динарии, — отдуваясь, объяснил Тумелик. — Евреи боятся изображений людей, поэтому не пользуются в храме римскими монетами.

— Поразительное суеверие, — покачал головой Сенека.

Двор был перекрыт стеной, так что видна была лишь верхняя часть Храма, откуда слышалось хоровое пение. Размерами еврейское святилище, пожалуй, не уступало святилищу Юпитера Капитолийского, но из отделки на нем красовались лишь золотые листы — ни единой статуи, ни одного барельефа, разве что над входом сиял позолоченный орел.

— Спартанская простота! — с восхищением заметил Сенека, вытирая пот со лба.

На них косились и брезгливо отодвигались — короткостриженный мальчишка и римлянин в широкополой шляпе выделялись в толпе длинноволосых евреев в маленьких шапочках на макушке. Те не обращали

на варваров внимания: Сенека был поглощен созерцанием Храма, а Тумелик пребывал в собственных мыслях. О боги, как же начать разговор?

— Господин, — выдохнул он, решаясь. — Ты знаешь самаритянина Симеона из Гитты? Он великий мудрец.

— Нет, этот человек мне не знаком, — рассеянно ответил Сенека.

— Он... он просил меня поговорить с тобой. Он думает, что тебе известно тайное знание.

— Он прав, — усмехнулся Сенека, с прищуром разглядывая орла. — Могли бы хоть здесь поставить статую Тиберия, — заметил он.

— Господин, я возвращаю тебе твои записи, — продолжил Тумелик, вытаскивая из-за пазухи свиток.

Сенека непонимающе уставился на папирус в руке мальчишки и нахмурился, соображая. Поднял взгляд на парня, желая что-то сказать, но тут где-то позади них раздались крики, послышался грохот и треск, а затем над толпой, громко хлопая крыльями, взметнулись голуби. Люди начали оборачиваться, Тумелик тоже завертел головой, пытаясь понять, что происходит. Прямо на него из скопища тел вывалился всклокоченный еврей в разорванной тунике и пронесся рядом, выбив свиток из рук. Вслед за ним, расталкивая народ, пробежали несколько человек с плетками и короткими деревянными жезлами.

— Ай! — завопил Тумелик, шаря взглядом в поисках оброненного папируса.

Вот он, под копытами овцы! Мальчишка метнулся за ним, но его оттолкнули, а хозяин овцы что-то гневно заорал ему в лицо. Вокруг нарастала суматоха, с ревом металось перепуганное животное, люди пытались его поймать, а где-то за их спинами стражники лупили направо и налево плетками и дубинками. Свиток совсем пропал из виду, затоптанной ногами и копытами, и Тумелик, чуть не плача, крикнул Сенеке:

— Его нет!

— Папируса?

— Да! Как же мне теперь быть?

Сенека развел руками, тревожно озираясь.

— Что там было?

Тумелик не успел ответить. Иудеи, поймав овцу, о чем-то загомонили, показывая на римлян. Тумелик разобрал слово «арам» — так евреи называли чужаков. Он понял: местные из-за чего-то обозлились на них. Опыт общения с варварами подсказывал, что лучше убраться поскорее. Тумелик сказал об этом своему спутнику, и они устремились обратно к базилике.

Торопливо спускаясь по ступенькам с Храмовой горы, Сенека упорно ругал всех евреев, Иерусалим, Палестину, варваров в целом и даже Пилата — за то, что тот не умеет с ними обращаться. Ругал, впрочем, на латыни, справедливо полагая, что вряд ли кто-нибудь здесь понимает речь завоевателей. Тумелик молчал, переживая потерю свитка. Но когда гость прошелся по качествам его названного отца, не выдержал:

— Считаешь, господин, что Пилат — негодный наместник?

— Не может быть двух мнений. Человек, не способный очистить от разбойников даже окрестности своей столицы, недостойн занимать эту должность. Он даже в Кесарии не чувствует себя хозяином: я слышал, в еврейском районе нет ни одной статуи Тиберия и Сеяна. Не позор ли это?

— Но цезарь сам велел ему уважать обычаи иудеев. Пилат не раз говорил, что связан этим приказом.

— Вот как? Значит, это Тиберий у него виноват, что налетчики бесчинствуют под стенами города, а римские граждане не могут войти в Храм? Может, Тиберий виноват и в произошедшем сегодня? Меня, племянника египетского префекта, за несколько дней дважды чуть не растерзали в этой забытой богами стране. Хорошо же Пилат следит за порядком!

Сенека распался все больше, и Тумелик умолк, не зная, что ответить. Долг домочадца требовал от него встать на защиту главы семьи, но напор разгневанного римлянина совершенно спутал его мысли. Может, Сенека прав и Пилат в самом деле не умеет управляться с евреями? Впрочем, какая разница! Главное сейчас — вернуться к разговору о тайном знании. Авось еще удастся выполнить обещание, данное учителю праведности!

Но Сенека пребывал в такой ярости, что нечего было и пытаться остановить поток его проклятий. Так и не сумев успокоить его, мальчишка довел гостя до дома Иосифа и попрощался, все еще лелея надежду вернуться к прерванному разговору завтра. Но на следующий день Сенека в сопровождении Геренния Капитона убыл в Явне.

После того как дым от жертвы всеожжения, смешавшись со скверным фимиамом, рассеялся в небесах, а священники унесли спекшиеся останки ягненка, Анна поднялся на балкон Женского двора и пригласил туда Иоанну и Антипу (тот днем раньше прибыл в Иерусалим). Тетрарх нехотя подчинился, заранее зная, что ничего хорошего от тестя первосвященника не услышит.

— Эта достойная женщина пожаловалась мне на тебя, тетрарх, — сказал Анна по-арамейски, встав у ограды и наблюдая сверху за пустеющим двором. — Ты хочешь лишить ее земли, пользуясь отсутствием мужа. Если ты сделаешь так, весь Иерусалим станет тебе врагом.

— Я не нарушаю закон — забираю то, что дал Хузе, когда он приехал служить мне, — угрюмо возразил Антипа.

— Он передал все мне, когда покидал тебя, — возразила Иоанна.

— У римлян такое запрещено, — ответил Антипа.

— Мы не римские граждане, а твои подданные.

— Раз подданные, значит, должны меня слушаться.

— К счастью, есть суд повыше тебя, тростник, ветром колеблемый! — выкрикнула Иоанна, теряя самообладание.

Антипа побагровел. Никто не смел бросать ему в лицо это прозвище, под которым его знала вся Палестина. Он уже сто раз пожалел, что решил чеканить на монетах тростник, — лучше бы поместил там платан или другое прочное дерево, не сгибающееся от порыва ветра.

— Я тебя по миру пушу, одержимая! — огрызнулся он в ответ.

— Кровосмеситель, убийца, вор! — захлебывалась женщина.

— Обманщица и жена обманщика!

— Прекратите! — рявкнул Анна. — Забыли, где находитесь? Великий Гиллель говорил: «То, что ненавистно тебе, не делай другому». Ты же, Антипа, источаешь душевный смрад и живешь в скверне: возвел дом на могилах, отнял жену у брата, бессудно убил святого человека. Мне давно следовало закрыть для тебя двери Храма.

— Этот святой человек и тебе стоял поперек горла, — ухмыльнулся Антипа. — А если перестанешь пускать меня в Храм, не видать тебе ни моих денег, ни моих урожаев.

— Угрожаешь мне, первосвященнику? — вспыхнул Анна.

— Ты стал первосвященником благодаря римлянам. Тебя не любят так же, как меня.

Анна с ненавистью посмотрел на тетрарха. Никому, кроме наместника, не позволено было так говорить с бывшим первосвященником и главным человеком в Иерусалиме.

— Может, и так, — процедил он. — Но я все же в дружбе с Пилатом, а ты — нет. Забыл, какая судьба постигла Архелая?⁵⁶

— Теперь уже ты угрожаешь мне, почтенный Анна?

— Знай же, тетрарх, что, если ты продолжишь утеснять эту благородную женщину, я буду всячески вредить тебе в глазах народа и наместника. А еще стану молить Бога о твоём падении.

Антипа посмотрел на Анну и усмехнулся.

— Что ж, поступай как знаешь. У тебя самого бунтуют левиты. Что будешь делать, когда останешься без моих денег, Анна?

— Как ты смеешь так говорить с великим Анной? — возмутилась жена Хузы.

Антипа перевел на нее взгляд.

— Я слышал, ты явилась сюда в сопровождении бродячего целителя. Хорошее знакомство для благородной женщины! Зачем тебе земли и доходы, если ты ходишь с нищими и ночуешь под голым небом? Отдай их тому, кто ведет себя сообразно положению.

— Моему племяннику? — фыркнула Иоанна. — Тебе не хуже моего известно, что по закону все переходит дочери, а не внуку.

— Так считают саддукеи, — возразил Антипа. — У фарисеев и набатеев другое мнение. А мы, Иродиады, почти набатеи.

⁵⁶ Архелай — старший брат Ирода Антипы, этнарх, был смещен с поста и отправлен в ссылку.

— То ты говоришь про римский закон, то про набатеев, — подловил его Анна. — Вот уж точно, тростник, ветром колеблемый. Но я-то — саддукей и следую писаному закону.

— Что ж, тогда тебе предстоит нелегкая схватка с фарисеями в совете.

— Думаешь, они станут вступаться за тебя, Антипа?

— Они станут вступаться за свое понимание справедливости. Их хлебом не корми, дай порассуждать о законе. — Он пристально посмотрел на Иоанну. — Завещаний и дарственных в обход обычая они тоже не принимают.

Намек был понятен: Иоанна получила половину недвижимого имущества по завещанию отца, а другую половину — в дар от мужа. И то и другое выглядело сомнительным в глазах обычая и римского закона. Антипа хотел сыграть на этом. Хотя он и был неподсуден иерусалимскому совету, все же опасался его мнения — тот запросто мог закрыть ему дорогу не только в Храм, но и в саму иудейскую столицу. А потому тетрарх собирался давить на фарисейское чувство правды, пользуясь неприязнью народа к саддукеям, которые чтили древнее право, отдававшее предпочтение дочери перед внуками. Это было опасно. Пусть люди не любили тетрарха как наследника Ирода, спорить с фарисейским взглядом на вещи они вряд ли станут. Это был вызов, и Анна принял его.

— Что ж, — веско промолвил он. — Увидим, переломит ли твое начетничество всеобщую ненависть к тебе.

Антипа повернулся было, чтобы уйти, но тут на балкон торопливо поднялся Гамалиил.

— Господин, — сказал он Анне, — кто-то напал на меня и торговцев. Кажется, это был назаретянин Иисус, о котором я говорил тебе.

Иоанна вскрикнула, прикрыв рот, а тетрарх посмотрел на бывшего первосвященника и рассмеялся.

— Теперь-то посмотрим, что скажет совет.

Гамалиил всегда приводил учеников для молитвы во Двор язычников, занимая место у притвора Соломона, чтобы после окончания обряда быстро вернуться в Дом учения. Обстановка в притворе, конечно, не располагала к мыслям о высоком — там было полно менял, голубятников и торговцев жертвенной скотиной, — но выбирать не приходилось. Если идти во внешний двор, пришлось бы возвращаться в город вместе с потоком молящихся и терять уйму времени.

Как выяснилось, менялы и торговцы досаждали не только Гамалиилу. Стоило ему с учениками подняться по южным ступеням, как в глубине колоннады раздался грохот, и кто-то грянул по-арамейски с ужасным северным акцентом:

— Хде ж здесь дом молитфы? Вижу только пхритон. Узрите, как рухнет все и не останется тут камня на камне!

Произошло замешательство, кто-то заорал:

— Что ты делаешь, несчастный!

В просвете между неторопливо идущими людьми Гамалиил заметил длинноволосого молодого человека, который в остервенении опрокидывал деревянные столы. Звенели сыпавшиеся с них монеты.

— Стражу! Зовите стражу! — послышался чей-то испуганный возглас.

Человека попытались остановить, но он будто обезумел.

— Не Храм, а вехртеп! — кричал он, круша столы. — Не слуги Божьи, а разбойники!

Какая-то женщина, наблюдавшая за погромом, стянула платок с головы и, захохотав, воскликнула: «Хвала тебе, Господи!» Кажется, она была рада происходящему. Кто-то упал, другой споткнулся о него и тоже упал. Несколько человек, расталкивая встречных, побежали вниз по лестнице. Одержимец тем временем продолжал носиться меж колонн и опрокидывать столы. Гамалиил остановился, не веря своим глазам. Неужто самаритяне нагрянули? Или какие-то сектанты? Но тут он заметил в толпе Иуду и все понял. Вчерашний собеседник его стоял, не шевелясь, и взирал на происходящее с ужасом и недоверием. Похоже, даже он не ожидал такого. Гамалиил огляделся: ученики сбились вокруг него, растерянные и перепуганные. И только вспыльчивый Саул рванулся вперед, спеша наказать осквернителя святого места. В этот миг появились левиты с плетками, и виновник произошедшего исчез, словно его и не было. Вместе с ним растворились и его сподвижники. Стражники же принялись охаживать плетками и дубинками всех подряд, внося еще больший хаос. Гамалиил громко призвал всех успокоиться, но его голос утонул в общем гоме. Наконец волнение понемногу улеглось, торговцы принялись поднимать перевернутые столы и торопливо собирать разбросанные монеты.

Вернувшийся Саул показал ему какой-то помятый свиток.

— Погляди, учитель, что я нашел.

Гамалиил вздохнул.

— Беда тебе, народ иудейский, от твоих пророков. — Он взял папирус у Саула и спросил, не разворачивая: — Что это?

— Кто-то обронил в суматохе, — ответил Саул. — Я успел поднять, пока не затоптали.

Они вышли во двор.

— Учитель, это был одержимец? — дрожащим голосом спросил один из учеников.

— Это был проходимец, — буркнул Гамалиил. — Искатель дешевой славы. Если он чем и одержим, то лишь жаждой известности.

Они остановились возле портика, не углубляясь во двор, и Гамалиил развернул папирус. Это были какие-то греческие нравоучения, набросанные столь небрежно, будто владелец писал их, сидя в седле или в трясущейся повозке: «Хочешь жить для себя — живи для других», «Лишь бедный свободен духом», «Живи сегодняшним днем, не откладывая жизнь на завтра», «О твоих благодеяниях пусть говорят другие», «Алчный

всегда нищ, даже если богат», «Готовность к смерти делает свободным», «В любом закоулке можно найти лестницу в небо», «Счастлив тот, кто не гонится за счастьем» и прочее в таком духе. Смахивало на мудрствования каких-то философов, совсем необязательно эллинов — в Храм приходили и паломники из рассеяния⁵⁷, не знавшие ни арамейского, ни иврита.

— Похоже на писания терапевтов⁵⁸, — равнодушно сказал Гамалиил, возвращая папирус Саулу.

— Не думаешь, господин, что это могло принадлежать тому одержимцу?

— Вряд ли этот дикарь умеет читать и писать. Судя по его говору, он из Галилеи, простой землекоп. Вот что, Саул, после обряда сбегай к первосвященнику, спроси, не заходил ли к нему некий Иуда с рассказом про назаретянина Иисуса. Ты видел этого Иуду на занятии. Помнишь? Если не заходил, то иди в Нижний город, разыщи там дом саламинки Марии, сестры левита Иосии, и спроси про Иуду у них. Ясно?

— Да, господин.

— Если он там, спроси его, готов ли он быть свидетелем на расспросе лжепророка. Запомнил?

— Да, господин.

— Если не найдешь дом, не печалься. Думаю, этот Иисус и так скоро уберется отсюда подобру-поздорову.

Но сам Гамалиил не был в этом уверен. Больше всего на свете он боялся оказаться во власти необузданной народной стихии, которая причинила столько горя при Архелае. Бесцеремонность римлян, корыстолюбие саддукеев, вездесущность порочных эллинских нравов — все можно было стерпеть, только бы не повторились времена Архелая. В глубине души он даже одобрял казнь Иоанна, хоть и признавал, что тот погиб безвинно. Но Иоанн мог вызвать волнения, а это было куда хуже. Лишь бы не как при Архелае — это присловье повторял не только Гамалиил, но и весь Иерусалим, да и вся Иудея. Недалекие крикуны, вроде того же Иоанна или кинжальщиков, последователей недоброй памяти Иуды Галилеянина, не уставали попрекать Гамалиила и прочих фарисеев в лицемерии — дескать, они верны закону лишь на словах, а на деле только и умеют, что угождать римлянам и знати. Глупые фанатики. Невежество застит им взор. Как же они не понимают, что их ненависть бесплодна: везде сильный помыкает слабым, а свобода — лишь призрак. Истинная свобода недостижима без Царствия Божьего на земле, а оно придет только вместе с Мессией. Пока же надо принимать жизнь такой, какая она есть, и не увлекаться несбыточными мечтами. Если дать волю этим грезам, то уже завтра Палестину zalьет кровью новый Помпей, чтобы впрячь в ярмо очередного деспота. К счастью, за кинжальщиками и демагогами шло меньшинство, всякая рвань и дрянь, не нашедшая себя в жизни. Уважаемые люди, будь то владельцы иерихонских

⁵⁷ *Рассеяние* — диаспоры.

⁵⁸ *Терапевты* — иудейская секта в Египте, близкая к ессеям.

рощ или сборщики смолы на Асфальтовом море, слушали фарисеев, потому что фарисеи учили их главному — соблюдению обычая. Не заносчивые саддукеи, потешавшиеся над верой в Мессию, и не замкнутые ессеи, объявившие себя новым заветом, а они, фарисеи, провозгласившие народ священным и богоспасаемым.

Оттого так взволновал Гамалиила рассказ Иуды. Если Иисус — ученик Иоанна, значит, он опасен. Не хватало еще бунтов на Песах. Погром в притворе Соломона показал, что Иисус — не очередной деревенский прохвост, охмуривший легковерных, а новый лжепророк. Следовательно, надо было как-то утихомирить его, пока он не наломал дров. Гамалиил не был кровожаден и не собирался карать назаретянина просто так. Он хотел разобраться, что именно тот вещает, и, если его речения окажутся опасными, а пуще того — богохульными, следовало поступить с ним по закону. Не побить камнями, нет, а, например, передать в руки Пилата или вовсе отпустить, если окажется, что он обуян бесами. А еще можно отослать его к Антипе, раз уж Иисус — его подданный. Пусть тетрарх сам разбирается. Но прежде надо было поймать его и учинить допрос в присутствии двух свидетелей.

Больше всего Гамалиила удивляло, что среди спутников этого лжепророка оказалась такая высокочтимая женщина, как Иоанна. Впрочем, женщины, благородные они или нет, легкомысленны по природе и подвержены страстям, недаром их показания не принимаются судом. А этот Иисус, кажется, подкупил ее рассказами о Царстве Божием, где все станут как ангелы, — тут она и потеряла голову. И не только она, судя по возгласам той помешанной в притворе. Ловкач поймал их в сети и теперь, наверное, потирает руки, кормясь за счет легковерных женщин.

Об этом, а также о том, как изловить Иисуса, Гамалиил беседовал с Анной, покидая Храм. Вельможа был страшно расстроен произошедшим, ведь он потерял козырь в противоборстве с Антипой. Гамалиила это не волновало, пусть спесивый саддукей препирается с тетрархом, а он, скромный фарисей, будет заботиться о благе израильтян.

По обычаю, ставшему привычкой, в первый день Песаха Гамалиил заканчивал изучать с учениками «Левит». После занятий он угостил их опресноками с вином, тем самым избавив от необходимости поститься, затем пожелал каждому оправдать надежды родителей и почитал вместе с ними главы «Исхода». Он уже хотел отпустить учеников на праздничную трапезу, когда ему сообщили, что явился некий проситель. Гамалиил вышел на улицу. Там стоял Иуда.

— Вот так неожиданность! Тебя-то я и искал. Ты был у первосвященника? — спросил Гамалиил.

— Не успел, господин. Я едва вырвался к тебе. Из-за частых отлучек меня уже подозревают. Я пришел сказать, что хочу обвинить Иисуса в богохульстве. Сегодня во время утренней жертвы он набросился на меня в притворе Соломона...

— Я был там, — прервал его Гамалиил.

— Тогда ты видел, что устроил этот негодяй и обманщик. Разве может Божий человек творить такое?

— Согласен с тобой.

— Иисус собирается отмечать Песах в доме Марии, о которой я говорил тебе. Но ночевать он хочет в Вифании.

— Пожалуй, там мы его и возьмем, если первосвященник будет не против, — сказал Гамалиил.

— Не лучше ли сделать это во время пасхальной трапезы?

— Нельзя осквернять празднество насилием. Даже преступник имеет право встретить Песах в покое и радости.

— Я понял, господин.

Они уже собирались распрощаться, когда появился взмокший и усталый Саул. При виде Иуды он всплеснул руками.

— Тебя-то я и ищу!

— Мы уже обо всем поговорили, Саул, — сказал Гамалиил. — Прости, что заставил тебя понапрасну побегать. Пойдем есть опресноки.

— Позволишь ли прежде задать этому человеку один вопрос, господин?

Гамалиил кивнул.

— Жду тебя внутри, — сказал он и исчез в Доме учения.

— У меня есть папирус с чьими-то записями, — сообщил Саул Иуде, когда за Гамалиилом закрылась дверь. — Не слова ли этого твоего пророка?

— Он не мой пророк, — угрюмо отозвался Иуда.

— Хорошо, хорошо. На вот, глянь, — сказал он, вытаскивая из-за пазухи изрядно помятый и влажный от пота свиток.

Иуда развернул его и покачал головой.

— Я не умею по-гречески.

— Ах ты ж! — досадливо воскликнул Саул. — Я тебе прочту.

Медленно, то и дело запинаясь, он перевел ему несколько речений.

— Ну как, это его слова?

— Не уверен. Не знаю. Что-то похоже, а что-то нет, — ответил Иуда, явно торопясь отделаться от назойливого собеседника.

— А среди вас вообще есть обученные греческой грамоте? Кто мог это написать?

— Матвей, кажется, умеет. Он собирал подати, ему положено. Иоанна, наверное, тоже. Она из благородных. Прости, но мне пора. Прощай!

— Мир тебе и до свидания! — улыбнулся Саул.

Он успел к самому концу трапезы. Гамалиил сохранил для него один опреснок, который Саул торжественно и съел, сопроводив это благодарностью Господу. После взаимных пожеланий счастливого и радостного Песаха ученики пошли по домам, а Гамалиил подозревал Саула.

— Утром совет вынесет приговору назаретянину. Я бы хотел, чтобы ты стал вторым свидетелем на его допросе. Согласен?

— С большой охотой, учитель! — воскликнул Саул. — Будет очень любопытно его послушать.

— Ты нашел дом Марии?

— Нашел. Там полно галилеян. Между прочим, в Нижнем городе только и разговоров об Иисусе. Но не о назаретянине, а о другом.

— О ком же?

— В Кесарии Пилат схватил какого-то кинжальщика. Тот тоже ходил с Иоанном, а теперь его хотят распять за ограбление римлянина. Народ негодует. Разбойник чем-то полюбился кесарийской черни.

— Понятно чем, — буркнул Гамалиил. — Ругай римлян и благородных, строй из себя защитника обездоленных — и тебя полюбят. А то, что кинжальщики — обычные злодеи, людям невдомек. — Он вздохнул. — Если бы только Анна не был так беспощаден к неимущим левитам...

В отличие от других учеников, у Саула в Иерусалиме не было родни, поэтому он жил прямо в Доме учения, а праздники отмечал в гостях у Гамалиила, обитавшего на одной улице с первосвященником. Туда они и направились, предварительно омывшись, как полагается, в купальне.

За праздничным столом, где собралась вся большая семья иерусалимского книжника, между благословениями и рассказами о египетском рабстве Саул обсуждал с учителем филоновское Слово — самостоятельная это сущность или нет, и тождественна ли она Божественной Мудрости? Гамалиил, к изумлению ученика, посоветовал ему для лучшего понимания вопроса ознакомиться с трудами Гераклита, Платона и Анаксагора («Они есть в кесарийской библиотеке»).

— Но разве Писание не содержит все ответы? — спросил Саул.

— Если там есть ответы на все вопросы, зачем читать Филона? — заметил Гамалиил. — Не следует чураться языческой мудрости. Эллин, отрекшийся от идолопоклонства, тоже получит свою долю в грядущем мире. Разве мы все не дети Ноя? И кто такой Платон, как не Моисей, говорящий по-аттически? Красота Яфета уже давно поселилась в шатрах Сима, — поэтически закруглил он свою мысль.

Саул был потрясен. Чтобы фарисей советовал читать языческих философов — такого он и вообразить не мог. Учитель не уставал его изумлять.

— У Филона Слово Бога — то же, что творящая Мудрость, существующая отдельно от Господа, — продолжал Гамалиил. — Это — гераклитовское и стоическое понимание, близкое Писанию. У Платона и Аристотеля не так. У них Божественное Слово лишь суждение, не более. Кто из них прав, мы знать не можем, даже в Писании об этом говорится по-разному: то Премудрость действует сама по себе, то является качеством Господа. Важно то, что Филон воспринимает Пятикнижие через платоновские категории, благодаря чему не только постигает разнообразие Моисеевой мудрости, но и видит пробелы нашего законоучителя...

— А у него были пробелы? — жадно спросил Саул.

— В Писании много противоречий. Впрочем, мы не раз упоминали об этом на занятиях. Вспомни, как в разных местах говорится, например, о Боге: то Он — Господин всего мира, то — Бог народа Израиля;

Бог один и единичен, и в то же время Ему служат сонмы ангелов; Бог присутствует в мире, пребывает среди людей, и в то же время является Богом космоса, сидящим на небесном троне; Бог вечен, неизменен, неподвижный перводвигатель вселенной, и в то же время Ему присущи гнев, жалость и другие человеческие свойства. Бог наделяет человека полной свободой действий, и в то же время управляет человеческими делами в соответствии со Своей волей. Бог позволяет сатане быть обвинителем в небесном суде, и одновременно противостоит силам зла, возглавляемым Велиалом. Как совместить все это? наших книжников мало это волнует, они погружены в пучину жизни и заняты решением насущных вопросов. Зато греки очень много занимаются этим, и их взгляды могут оказаться весьма полезными. Если бы Филон не заглянул в языческие книги, он бы не стал великим мудрецом, самым необычным из всех.

За такими беседами прошла ночь. Наконец подошло время халлельных гимнов⁵⁹, после которых все отправились спать. В пятом часу, еще до рассвета, явился человек от Каиафы с известием, что Иисус схвачен. Гамалиил велел разбудить Саула, и они отправились к первосвященнику. Иуда уже был там.

Разбирательство длилось недолго. Сначала выступал Иуда, потом — Саул и другие, кто видел произошедшее в притворе Соломона. Гамалиил выступать не мог, так как являлся членом суда, он задавал вопросы, причем так ловко, что Иисус сам выдал себя. Каиафа и Анна поначалу не хотели карать галилеянина сурово, но когда тот, обстреливаемый вопросами, признался, что пришел установить Царство Божие, все было кончено. Каиафа разодрал на себе одежду в знак того, что услышал богохульство, и суд приговорил дерзкого к смерти. «Ох уж эти мне галилейские землекопы, — покачал головой Гамалиил, которому было жаль недалекого крестьянина, запутавшегося в своих взглядах. — От их ретивости одни беды».

— Может, Пилат еще освободит его, — предположил Саул, который тоже не желал зла несчастному. — Песах все-таки.

Мимо них с сосредоточенным видом прошел Иуда. Спустившись по ступенькам, он открыл дверь на улицу и воскликнул:

— А, Симеон, ты тоже здесь! Окоченел совсем, поди. Ну заходи, погрейся.

Пропустив внутрь бедно одетого человека, Иуда вышел, а вновь прибывший приблизился к горящему в стене очагу и протянул к огню ладони. Его трясло от холода.

Из комнаты, где проходил совет, появился благообразный старейшина. Проходя мимо Гамалиила, он укоризненно покачал головой.

— Экий ты въедливый! И стоило оно того? Отпустил бы с миром этого одержимца, ничего бы не случилось.

⁵⁹ Халлельные (аллилуйные) гимны — славящие Господа песнопения.

— Великое начинается с малого, Иосиф, — возразил Гамалиил. — Если зло не задавить в зародыше, оно может дать обильные всходы.

— Да какое там зло! Мало ли таких бродит по земле Израиля... Или ты заодно с Антипой?

— Ты знаешь, что это не так, уважаемый Иосиф. Но закон надо блюсти.

— А милосердие как же? Про милосердие-то ты забыл.

— Милосердие необходимо покающимся. А этот безумец разве каялся?

Саул не хотел им мешать и потому сошел вниз, приблизившись к незнакомцу, которого впустил Иуда.

— Ты тоже из учеников Иисуса? — спросил он.

— Чего? — повернул к нему голову чужак. Он выглядел старше Саула, но вполне мог быть и одного с ним возраста — селяне быстро стареют от изнурительного труда и солнца. Густые черные космы закрывали лоб и виски, смыкаясь с широкой лохматой бородой. — Н-нет, я так...

— Я же слышал, как тебя окликнул Иуда. И говор у тебя галилейский. Значит, ты тоже из учеников Иисуса, — настаивал Саул.

— Нет, нет, — замотал головой Симеон. — Ты ошибся, добрый человек.

— Я просто хотел узнать, почему Иисус считает себя Мессией. Он ведь не из рода Давида. Это же глупо. Правда, Исайя зовет Мессию словом «незэр», но это вовсе не «назаретянин»...

Галилеянин еще сильнее замотал головой.

— Нет, нет, то не я. Не знаю. Не слышал. — Он вдруг метнулся к двери и выскочил наружу. Саула обдало холодным воздухом.

— Да ты чего! — воскликнул он, кидаясь следом. — Я же только спросить хотел.

Но галилеянин уже мчался, не оглядываясь, по позолоченной рассветным солнцем улице.

У Антипы ночь прошла довольно весело, а уж утро выдалось и вовсе замечательным. Песах он, как обычно, встречал во дворце Хасмонеев, в компании жены, ее непутевого брата Агриппы и Саломеи, дочери Иродиады от первого брака. Это был первый Песах тетрарха без прежней супруги, набатейской царевны, и Антипа наслаждался новой жизнью. Весь Иерусалим ненавидел его за кровосмесительную связь с женой своего брата, но какое ему было дело до этого! Антипа никогда не утруждал себя уважением к иудейским обычаям, по опыту отца зная, что все решают сила и римляне. Вот и сейчас, возлежа за столом, как принято у греков, он перемежал чтение «Исхода» с декламацией Гомера, молитвы — с лицезрением танцев Саломеи, а опресноки макал в богопротивный гарум и запивал медовым вином, очень ценным в легионах. Напряжение последних дней отпустило его, и он, довольный, снисходительно поучал племянника:

— Фортуну надо ловить, а не ждать, когда она спустится к тебе. Знаешь ли ты, Агриппа, что оливковое масло, которое у нас в Гискале идет по четыре драхмы за восемьдесят ксестов⁶⁰, в Кесарии можно продать в десять раз дороже? А ксест бальзама, за который у нас дают триста динариев, в Риме идет за тысячу. Если в день я получаю этого бальзама на тринадцать тысяч двести динариев, то цена, какую дают за него в Риме, позволит не только окупить затраты на перевозку, но и принести прибыль. А поскольку с купеческих товариществ подати ниже, я создаю товарищество, записываю туда вольноотпущенников и клиентов — и вот уже зрители кесарийского порта не могут мне ничего предъявить, Пилату же остается скрежетать зубами. Очень полезны также лазейки в законах. Видишь, как лихо я управился с Иоанной! И что ей осталось? Только пугать меня чарами бродячего мага. Но теперь и эта ее ставка бита. Глупцы скажут, что мне просто повезло — ведь я не мог знать, что этот маг полезет ссориться с первосвященником. А я так отвечу: где маги, там жди нелепых выкрутасов. Надо было просто подождать, пока он подставится. Всякий знает, что бездельники с подвешенным языком, которым верит чернь, вызывают неприязнь у Анны. Немного осведомленности и расчета — и ты всех обошел на повороте. Между прочим, я слышал, александрийцы отказали тебе в деньгах. Неудивительно! Хочешь помочь себе — займись делом, а не проси сестру ходатайствовать за тебя. Вот тебе задание: перепиши все хозяйства вокруг тетрархии, чьи владельцы находятся в тяжбе с моими подданными. Выясни, в каких случаях причиной тяжбы является ущерб, причиненный моим людям чужими рабами, и смело выноси такие дела на суд первосвященника. Ответчики не откажутся, они знают, что Анна и Каиафа терпеть меня не могут. Первосвященник наверняка наложит взыскание на хозяев провинившихся невольников, он не сможет поступить иначе — так велит древний закон, который лелеют саддукеи. Но упаси тебя Господь обращаться в иерусалимский совет — там заправляют фарисеи, а они против такого подхода. Улавливаешь, Агриппа? — Он взъерошил ему рдеющие волосы. — Все, что заработаешь таким образом, — твое.

— Я ведь смотритель за рынком, — заметил тот. — Когда мне заниматься переписью?

— Не делай из меня дурака. Думаешь, я не знаю, чем ты занят целыми днями? Кстати, у тебя ловко вышло умаслить того римлянина. Не ожидал. Все-таки можешь, когда захочешь.

Агриппа дрогнул губами, порываясь что-то сказать, но промолчал. Ему, сорокалетнему мужчине, было невыносимо терпеть такое отношение, но что он мог поделать? Опутанный долгами, он покорно сносил дядино высокомерие, иначе пришлось бы стать рабом какого-нибудь заимодавца. Ах, если бы не умер Друз, если бы не умер Германик, если бы

⁶⁰ Ксест — мера объема жидкостей и сыпучих тел, равная 0,547 литра.

не умерла Ливия, он бы наворочал дел! Но теперь в Риме заправлял Сеян, и Агриппе оставалось лишь выть от тоски и несправедливости мира.

— Не боишься, что префект претория уберет тебя, как Август убрал Архелая? — спросил Агриппа, чтобы хоть чем-то согнать самодовольство с лица тетрарха. — Он же не выносит иудеев.

— Все возможно. Мы — евреи, а нам избежать унижения — уже успех, — пожал плечами Антипа, закидывая в рот финик. — Кому это знать, как не тебе, — рассмеялся он, а его собеседник побледнел и отвернулся.

Утреннюю жертву Антипа проспал, а когда ближе к полудню раскрыл глаза, то услышал ликующие вопли на улице. Подойдя к окну, он распахнул ставни и увидел, что внизу несколько оборванцев под слаженные хлопки и смех окружающих выкрикивали хором: «Иисус! Иисус!» В другое время Антипа подумал бы, что начался бунт, но, поскольку никто не бегал с оружием и не швырялся по дворцу камнями, понял, что дело в другом. Полный недоумения, он позвал слугу.

— Что там творится?

— Народ радуется освобождению разбойника, господин.

— Какого разбойника?

— Какого-то Иисуса. Волновал народ в Кесарии. Наместник схватил его за ограбление римлянина, но освободил по желанию черни.

— Не тот ли маг, который... Ах нет, тот не из Кесарии. А что с тем, другим Иисусом, который пришел с Иоанной?

— Его распяли, господин.

— Какая приятная неожиданность! — воскликнул обрадованный тетрарх. — Быть может, Пилат не так уж плох. Надо его чем-нибудь отблагодарить.

Пока он раздумывал, как выразить наместнику признательность за такую услугу, явилась просительница — женщина из Автократиды. Тетрарх был в хорошем настроении и немедленно принял ее. Женщина оказалась владелицей гостиницы и просила взыскать с Пилата стоимость овса, который забрали римские воины. «Вот чем я отблагодарю наместника!» — сообразил Антипа.

— Твои издержки будут возмещены, не тревожься и иди себе с миром, — заверил просительницу тетрарх.

Он позвал писца и продиктовал письмо казначею с приказом выдать несчастной деньги, потраченные ею на корм римских лошадей. Вернувшись в спальню, он снова раздвинул ставни и прислушался к гомону прохожих. На улице грянула насмешливая песня:

Боэтусы — бьют,

Ханины — лгут,

Кафра — клеветуют,

Бен Сефы — плетками хлещут.

Отец — первосвященник,
Сын — казначей,
Зять — управитель,
А слуга — злодей.

Песня смолкла, и люди наперебой заголосили:

— Иисус свободен! Иисус свободен!

— Ах, как же хорошо! — воскликнул тетрарх, втягивая ноздрями сухой обжигающий воздух пустыни.

Эпилог

Пилат вернулся в Кесарию страшно недовольный, как бывало всегда, когда ему приходилось идти на уступки евреям. Вдобавок он узнал от Ту-мелика, что римский гость, которого он потчевал во дворце, крайне неблагоприятно отзывался о его управленческих способностях. Поэтому первое, что сделал наместник, вернувшись во дворец Ирода, — расколотил вазу с прахом раба, убитого при нападении разбойников. Потом велел освободить кинжальщика и доставить его во дворец.

— И как ты объяснишь это нашему гостю? — спросила Прокула, узнав про вазу.

— Скажу, что рабыня опрокинула, когда убиралась. Негодница уже наказана. Вот и все. Пусть утретса, мерзавец. Держать в узде евреев я, видите ли, не могу. У него-то какие заслуги, кроме той, что он племянник египетского префекта?

Прокула поджала губы.

— У меня как раз было дело к Галерию. Я хотела обсудить его с Се-некой.

— Какое дело?

— Я наняла людей добывать асфальт⁶¹. Хочу продавать его беспощадно в Египет. Ты ведь не будешь против?

Пилат уставился на жену, хлопая глазами.

— Решила заделаться торговкой? Вообще-то за такие проделки...

— Ой, только не рассказывай мне о законе! Кто похвалялся двойными пошлинами с шелка?

Пилат опешил.

— А деньги ты откуда взяла? — спросил он.

— У тебя. Я отдам.

— Да как ты посмела!

— А кто тебе принес пиценское имение? Забыл?

— И что с того? Ты не можешь брать мои деньги.

— Я всё верну, не волнуйся.

— Ты не можешь брать мои деньги! — заорал Пилат. — Я должен наказать тебя.

⁶¹ Асфальт — минеральная смола, применявшаяся египтянами при бальзамировании.

— Только посмей! Я — творящая мысль Бога!

— Чего?

— Творящая мысль Бога. Так мне сказал Симеон Гиттонец, мудрейший из самаритян.

— Это тот колдун, к которому ты бегала с Тумеликом? Я знал, что общение с ним не доведет до добра. Надо, пожалуй, заковать его за смущение умов и наведение чар. Что за проклятая земля! Не успеешь разобратся с одним магом, возникает другой.

— Только попробуй!

Но Пилат и слушать ее не стал. Он позвал писца и хотел было продиктовать ему приказ, но тут привели освобожденного кинжальщика, и наместник удалился в зал приемов, чтобы поговорить с ним. Прокула же воспользовалась случаем, чтобы отправить гонца в Гитту с предупреждением Симеону об опасности.

Во время ужина они опять ругались, так что в конце концов раздосадованный Пилат не выдержал и ударил супругу, велел слугам увести ее.

— Никакой тебе торговли с Египтом, дура! — рявкнул он напоследок. — Сиди и чеши языком со служанками.

Прокула была оскорблена до глубины души. Она, которую великий Симеон объявил живой Софией, Премудростью Божией, вынуждена была подчиняться этому мужлану, который понятия не имел о тайном знании. Да он просто был недостоин ее!

Разрываясь между яростью и отчаянием, она призвала к себе Тумелика. Вот кто утешит ее! Мальчишка, сам терзавшийся неудачей в Иерусалиме и полный сострадания к сестре по вере, явился и... задержался допоздна, жадно вслушиваясь в рассказ Прокулы о чудесном обряде, который Симеон провел над ней, пока Пилат был в отлучке. Этот обряд, сопровождавшийся египетскими заклинаниями и воскурением ладана, открыл Прокуле глаза на ее великое предназначение. Она, жена скромного всадника, оказалась вместилищем бессмертной души, новым воплощением Елены Прекрасной и самой Евы, уговорившей Адама вкушать плод от дерева познания. Ей ли слушаться какого-то смертного, который скоро обратится в прах? Потеряв голову, она шептала Тумелику, что их навсегда объединило сокровенное знание, теперь они неразлучны, и мальчишка охотно соглашался с ней, прижимая ее руки к своей груди.

Утром их застал Пилат. Видимо, донес кто-то из рабов, потому что наместник не имел привычки являться в покои супруги с утра, если не явился туда вечером. Гнев его был неопиcуем. Тумелик сбежал при первых раскатах грома, а вот Прокуле пришлось выслушать все обличения разъяренного мужа до конца. Закончил он тем, что посулил сдать ее в лупанарий⁶², раз уж она ведет себя как шлюха. И выполнил свою угрозу, воспользовавшись древним правом! Тумелика он хотел продать в рабство,

⁶² Лупанарий — публичный дом.

но того и след простыл. Мессалам прочесал всю Кесарию и окрестности, но ни его, ни самаритянского знахаря не обнаружил. И неудивительно, потому что он сам и отправил обоих в далекий Скифополь. Там, среди набатеев и греков, Симеон продолжил размышлять над устройством мира, а Тумелик, скрывшийся под именем Менандра, внимал ему, готовясь нести свет истины людям.

Спустя день после бегства Тумелика до Кесарии добрался Сенека. Он приехал позже Пилата, потому что задержался у Капитона в Явне, отмечая сделку. По дороге перечитывал сатиру Тиберия, изумляясь, каким дерзким вольнодумцем тот был, пока не стал правителем державы. Но спокойно доехать до города ему не дали. Стадиев⁶³ за десять, когда Сенека уже мысленно готовился взойти на борт корабля, размышления его были прерваны до боли знакомыми стуками в стенку и отборной бранью. У Сенеки упало сердце. Неужели снова? Он замер, сжав кулаки и оцепенело глядя перед собой. Повозка остановилась, распахнулась дверца, и в проеме, облитый медовыми лучами солнца, появился косматый еврей с кинжалом в руке. Сенека отшатнулся. Он узнал его.

— Не бойсь, тебя не тронем, — по-гречески сказал еврей, желтозубо ослабившись. — Отдавай всё — и езжай дальше.

В этот миг Сенека понял, что заветную книгу он до Египта не довезет.

Через год после описанных событий префекта Галерия вызвали в Рим. Не ожидая ничего хорошего от этого внезапного вызова, он так распереживался, что умер по дороге. Сопровождавший его Сенека пару лет проболтался в столице без дела, но затем начал блестящую карьеру, добившись всех мыслимых благ и став одним из величайших мыслителей в истории. Христианские философы потом немало удивлялись сходству его идей с речениями Христа.

Симеон Гиттонец, вошедший в историю под именем Симона Волхва, создал гностическую религию, которая очень долго соперничала с христианством за власть над умами. Его первым учеником стал Менандр.

Прокула недолго маялась в тирском борделе. Симеон выкупил ее и сделал своей спутницей, провозгласив воплощенным Словом Божьим.

Ирод Антипа потерпел поражение от набатейского царя. Весь народ Израиля ликовал по этому поводу, увидев в разгроме тетрарха небесную кару за незаконную казнь Иоанна Крестителя. Спустя десять лет Антипа пал жертвой интриг своего племянника и закончил дни в галльской ссылке.

Ирод Агриппа настолько погряз в долгах, что вынужден был бежать из Палестины обратно в Рим, где попал в тюрьму за неосторожные слова о Тиберии. Там он просидел до смерти императора, а новый правитель

⁶³ Стадий — мера длины, равная 176,6 метра.

Калигула, памятуя о дружбе Агриппы с его отцом Германиком, не только освободил незадачливого иудея, но и удостоил его царской диадемы. Таким образом, Агриппе удалось сделать то, чего не добился его дядя Анטיפа: восстановить государство Ирода Великого. Совершив это, он начал столь ревностно соблюдать иудейские обычаи, что заслужил похвалу в Талмуде.

Гамалиил, верный принципу верховенства закона, спустя много лет спас апостолов от самосуда разъяренных иудеев, за что был объявлен христианами святым — единственный из фарисеев!

Иисус «Варавва» вернулся к кинжальщикам и долго еще наводил страх на римлян, пока через десять лет сам не получил ножом в горло.

Иоанна, жена Хузы, осталась христианкой и в конце жизни оказалась в узилище, где встретила апостола Павла.

Прочее известно...

